

ДРУГИЕ
МИРЫ

Соня Марей

Ваш
ЛЮБИМЫЙ
ДОКТОР,
или ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Соня Марей
Ваш любимый доктор,
или Дело всей жизни
Серия «Врачи-попаданки», книга 2
Серия «Другие миры (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68095966

*Ваш любимый доктор, или Дело всей жизни: АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-151129-6*

Аннотация

Чем удивить опытного акушера-гинеколога? Разве что попаданием в другой мир. Тут всюду магия, зато раны подорожником лечат, а роды грязными руками принимают. Но ничего, с этим я разберусь, объясню местным лекарям, что такое асептика с антисептикой. Только как быть с неприятностями, посыпавшимися на мою голову? И новоявленный муж – не самая большая из них. Но как бы враги ни старались, я не дам загубить дело своей жизни. А может, даже и счастье здесь обрету.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	46
Глава 4	56
Глава 5	75
Глава 6	94
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Соня Марей
Ваш любимый доктор,
или Дело всей жизни

© Соня Марей, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

– Что здесь произошло? – повторил нейт Блайн, не сводя с меня глаз.

– Позвольте представиться, – раздался зычный голос гвардейца. – Капитан Левильской гвардии, боевой маг второй степени Стайвус Ферри.

И повторил, что им только что поступил донос о запрещенной операции.

Норвин лениво повернулся к нему и окинул высокомерным взглядом. Руки он держал вдоль тела сжатыми в кулаки, плечи были напряжены, вся его поза выражала недовольство.

– Я не проводила это вмешательство, – собственный голос показался мне чужим, словно я вернулась в свой первый день в этом мире. – Девушку доставили ко мне уже мертвой.

Стайвус Ферри недовольно нахмурился.

– Кто?

– Ее жених, девушку зовут Лесси. Но вот его имени я не спросила.

– И где же он? – он демонстративно огляделся. Кажется, Ферри не поверил ни на грош.

– Парень сбежал очень быстро. Я боюсь, что он хочет отомстить лекарям или родителям девушки. Может случиться беда, его надо найти и остановить...

– Разберемся! – рявкнул Ферри коротко и дал приказ сво-

им людям: – Тело забрать. А вас, нейра, мы вынуждены взять под стражу до выяснения всех обстоятельств.

Я вдруг отчетливо услышала, как рушатся все мои мечты и планы, как карточным домиком складывается здание будущего госпиталя, погребая под обломками надежду, а почти устаканившаяся жизнь идет трещинами.

Наверняка они пригласят менталиста, чтобы тот взломал мою память и вытянул правду. И тогда, даже если Норвин промолчит, все равно вскроется мое попаданство.

– Она этого не делала! Не делала! – запищал тиин на ультразвуке, вылетая из своего укрытия на книжной полке.

– Пискун, иди сюда, – я поманила товарища, подставив руку, и тот с самым воинственным видом шлепнулся мне на плечо.

Но слова пушистого воина все проигнорировали. Фамильяров здесь не считали равными людям.

– Вы, уважаемый, наверное, забыли, что к магам благородного происхождения не могут быть применены методы, которые вы используете с простолюдинами, – твердо произнес муж. На меня он больше не смотрел. – Давайте поговорим.

Капитан гвардейцев окинул его кислым взглядом, но решил, что лучше не спорить.

– Оставайтесь на месте, нейра, – велел мне и отправился вслед за мужем в гостиную.

Как будто мне есть куда бежать с подводной лодки!

Трое гвардейцев с равнодушными усталыми лицами прошли к столу, чтобы забрать тело несчастной Лесси. Если бы тот юноша сразу привез ее ко мне, если бы поспешил... Так много проклятого «если». Маточные кровотечения приводят к смерти очень быстро.

Ожидание прошло как в тумане. И вот в кабинет вернулись Норвин и Стайвус Ферри. По их лицам было видно, что они уже что-то решили.

– Протяните мне вашу руку, – велел гвардеец, и я подчинилась.

Он приложил к моей ладони ту самую золотую бляху, и на коже вспыхнул отпечаток синей звезды.

– До тех пор, пока не началось разбирательство, вы находитесь под домашним арестом, вам запрещено выходить из дома. Эта печать отслеживает местонахождение, – взгляд капитана был холодным и недобрым, наверное, он уже предвкушал, как загребет меня в казематы и выполнит план по раскрытию преступлений.

Если бы не Норвин, так бы и было. Жаль, я не открылась ему раньше, теперь нам предстоит непростой разговор.

Взгляд цеплялся за пятна крови на столе и полу, в голову пришла суматошная мысль: надо все убрать, надо вытереть...

Норвин вышел, чтобы проводить гвардейцев, а я с трепетом ждала, когда он вернется. И думала, что буду ему говорить.

Едва он снова появился на пороге комнаты, с губ слетел гениальный вопрос:

– Как вы узнали, что они тут?

– Ощутил волнения защитного купола. Он реагирует на кровь, если вы помните. А королевская бляха гвардейцев дает право вскрывать любые виды барьеров.

Норвин не повышал голоса, но я чувствовала, что он в ярости. А ярость спокойного человека обычно страшнее, чем гнев психа.

– Я этого не делала, клянусь. Я знаю законы Рэнвилля. Девушка уже была мертва. Хоть вы мне верите?

Он молчал, сверля меня взглядом, тогда я повернулась и хотела сделать шаг к столу, но ноги приросли к полу, а руки бессильно повисли вдоль тела. Подо мной вспыхнула и погасла призрачная золотая сеточка, и я услышала негромкий голос мужа:

– Сначала вы ответите на мои вопросы. Кто вы такая? Или... что ты такое?

– Вы ведь уже знаете, да? Тогда зачем спрашиваете?

В тот момент, когда он появился на пороге этой комнаты, у него на лбу красными буквами было написано: «Я все знаю». Интуиция редко меня подводила, а его взгляд был слишком говорящим. Возможно, я могла себе все надумать, ведь на воре и шапка горит. Я сама подспудно ждала разоблачения. Все его слова, намеки, вопросы... Он не был слепым дураком. Эх, прав был Пискун, надо было раньше обо

всем рассказать, а сейчас не самое лучшее время для выяснения отношений.

Воцарившаяся тишина давила на уши, растекалась морозом по венам. Я чувствовала, как пристальный взгляд сверлит затылок. Потом Норвин медленно обошел меня кругом и встал перед лицом, скрестив руки на груди. Серые глаза сузились, а зрачки превратились в две черные точки. Воздух между нами накалился и задрожал.

– Я просил не лгать, я ненавижу ложь. Я сразу почувствовал, что с вами что-то не то. Если бы я успел узнать Эллен поближе, то сразу бы понял, что вы – не она.

– И я ненавижу ложь, поверьте. А... когда вы догадались? – спросила я спокойно и почти равнодушно.

И сразу накатило облегчение, больше нет нужды лгать. Это сравнимо с тем, когда трясешься в ожидании опасной операции, а потом раз – все закончилось, и ты здорова.

– Не сразу, – он потер переносицу указательным пальцем, а я все еще не могла двигаться. Чувствовала себя мухой, запутавшейся в паутине, но, несмотря на это, внутри жила надежда, что Норвин не причинит мне вреда. – Сначала меня насторожило ваше странное поведение, но я списал все на особенности характера, о которых не знал. Ваша речь, непохожесть на местных женщин, равнодушное отношение к смерти отца – все это навевало подозрения. Все ваши слова, причуды...

– Придурь, – буркнула я под нос. – Нейт Блайн, быть мо-

жет, вы освободите меня, и мы поговорим спокойно?

– Спокойно? – он ухмыльнулся. – В нашем доме пятна крови, вас обвиняют Темнейший знает в чем...

– Я этого не делала.

– Разве я могу вам верить?

Я скрипнула зубами. Вот ведь подстава!

– Да, действительно. Вы имеете полное право не верить мне, но объясниться хотя бы можно? Освободите меня, я не собираюсь сбегать.

Когда магическая сеть ослабла, я слегка покачнулась, схватившись за шкаф. Норвин меня отпустил, но я кожей чувствовала его негодование, смятение и что-то еще.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – процедил муж.

Я последовала за ним в гостиную, и мы уселись в кресла друг напротив друга. Мысли металась в голове, как рой потревоженных пчел. Я не знала, с чего начать.

Мой муж... хотя могу ли я теперь так его называть? Он был напряжен и задумчив, брови сошлись на переносице, лоб прорезали вертикальные складки. Вскоре Норвин нарушил это неприятное молчание.

– К сожалению, у меня не было на вас времени, иначе я бы раскусил вас раньше. А потом я вспомнил, что вы говорили о молнии, – он замолк на самой интригующей ноте, испытующе глядя мне в глаза. Я почувствовала, как жар заливает щеки, словно была какой-то девочкой. Впрочем, реак-

цию можно было списать на то, что это тело гораздо моложе и чувствительней.

– Молния. Магическая гроза.

Он кивнул.

– Я навел справки и узнал у погодников, что в тот день, когда вы приехали в Левилль, действительно была замечена подозрительная магическая активность. Это говорит о том, что гроза могла быть необычной. Я слышал о том, что попадание молнии может вызвать самые разные последствия, вплоть до обретения новых способностей, но о потере памяти никто не говорил, об этом не писал и Корнелиус Гульд в своей книге. Я сразу об этом не подумал, каюсь, но ваш жаркий интерес к труду этого мага... – Норвин многозначительно хмыкнул. – И я решил посмотреть, что будет. Я ведь говорил, что тоже в какой-то мере исследователь. Вы не слишком-то старались маскироваться. Приложи вы больше усилий, я бы долго гадал, что с вами не так. К тому же вселение в тело чужой души – настолько редкое явление, что кажется сказкой, бредом воспаленного сознания.

Я тоже думала, что попаданство – это сказка для взрослых, пока сама не стала невольной ее героиней. И сказка становится все тревожней. Но Норвин снова выглядел почти спокойным и холодным – это обнадеживало.

– И что дальше?

– Потом я захотел проверить вас артефактом, – продолжил он свой рассказ.

– Артефактом?

Я не понимала, о чем речь, и Норвин криво улыбнулся.

– Да. В моем доме. То самое изумрудное кольцо. Камни теряют цвет, если соприкасаются с нецелителем, но на вас они засияли ярче, чем прежде.

– Вы сомневались в том, что я настоящая целительница? Вы ведь знали, что я уже успела сделать.

– Я всегда во всем сомневаюсь. Вы попали в тело целительницы, но ведь душа играет куда большую роль. Тем более я лично не видел, как вы применяете целительскую магию, вы могли использовать другой вид магии или вообще немагические навыки. И тогда я решил навесить на купол прослушивающие печати.

Прослушка?! Вот черт! Недаром интуиция кричала, что что-то не то, но мой не в меру болтливый язык жил собственной жизнью. Ох, сколько мы с Пискуном трепались о всяком, еще и Норвина обсуждали. Интересно, что он успел услышать?

– Я просил вас о честности, просил не лгать... – продолжал распекать меня Норвин. – Вы кивали, прекрасно зная, что накопился огромный ком лжи. Не понимаю, на что вы вообще надеялись.

– Ну как вы не понимаете? Я же просто боялась. Боялась! Особенно после того, как узнала, как в вашем мире обходятся с подселенцами. Думаете, я хотела куда-то попадать? – я нервно усмехнулась и заерзала в кресле. – В совершенно чу-

жой и опасный мир, где нет нормальной медицины, где женщина – всего лишь придаток к мужчине и детям, где нет, в конце концов, привычных удобств – унитаза, стиральной машины и мультиварки. Думаете, эти руки могли бы причинить кому-то вред? – я вскинула ладони, увидела кровь, быстро вытерла ее о платье и подняла снова. – Я даже мухи не обидела! Хотя нет, мух я обижала, но это к делу не относится.

Вдруг в кармане что-то зашевелилось, и на свет вылез Пискун. Я даже не заметила, когда он успел туда просочиться.

– Подтверждаю! – пискнул тоненький, но отважный голосок. – Она не сделала ничего плохого!

Я погладила тиина по шерстке. Нейт Блайн молча выслушал пушистого защитника. Я не могла прочесть по его мимике, что он на самом деле думает. Норвин обладал потрясающим талантом делать «лицо кирпичом».

– Этим вечером я решил немного послушать, что творится в доме. Как раз появилась свободная минута, – он многозначительно замолчал и вскинул бровь. – И услышал много интересного. Это подтвердило все мои догадки и опасения. Из ваших слов даже дурак бы понял, что вы не из этого мира. До этого момента вы казались мне неопасной, поэтому я не стал нестись сюда сломя голову, хотел подождать до утра, но вы вытворили Темнейший знает что! Я как раз лег спать после трудного задания, когда ощутил волнение защитного купола. Сначала он отреагировал на кровь, потом на вторже-

ние гвардейцев. Пришлось срочно срыватьсь.

– Но я действительно не делала ничего плохого. – И рассказала ему о том, как в дом среди ночи ввалился парень с Лесси на руках. – Я не могла выставить его за дверь сразу же, как это сделали лекари из гильдии.

– Они имели право отказать ей в помощи. Лекари всегда были особым сословием, обвинить их в чем-то сложно, если нет железных доказательств намеренного вредительства или убийства.

– Они бы не спасли ее, даже если бы захотели, – перед мысленным взором встало бледное лицо Лес-си. – Повреждения были слишком серьезны даже по меркам моего мира. И лекари это прекрасно понимали. Она могла умереть еще по дороге.

– Теперь должны выяснить, кто в Левилле или его окрестностях занимается запрещенной деятельностью.

– Вряд ли это будет легко.

По истории собственного мира я знала, что таких умельцев во все времена было много. Они делали подпольные операции, несмотря на грозящее наказание, потому что отчаявшиеся женщины приносили последнее, и тщательно скрывали их имена.

– Уверена, что кто-то из лекарей, скорее всего нейт Ойзенберг, меня подставил, – озвучила я свои мысли. – Отправил юношу ко мне, а сам написал анонимку гвардейцам.

– Нейт Ойзенберг, говорите? Чем вы успели ему доса-

дить? Я думал, только нейт Лейн вас терпеть не может.

И тогда я рассказала о нашей взаимной любви и приязни с лекарем. Жаловаться и ябедничать я не любила, но это было необходимо, чтобы обелить себя хотя бы в глазах Норвина.

– Вы знаете, что ваш неумемный энтузиазм сыграл с вами злую шутку? – спросил он, когда я замолчала.

– Понимаю. Но что мне оставалось? Забиться в нору и сидеть, не высовываясь? Я так не могу. У меня есть ценнейшие для этого мира знания, с помощью которых я хочу вывести лекарское дело на новый уровень. Медицина была и есть моя жизнь.

– Там вы тоже лечили, Эллен? – он сощурил глаза. – Или как мне теперь вас называть?

– Мое настоящее имя Елена.

– Эллен – Елена. Эллена... – задумчиво протянул Норвин, и мне понравилось звучание нового имени. Такое нежное, как название цветка.

– Совершенно верно, я была целителем, – сказала я, сложив руки на коленях. – Или доктором, как говорят у нас. Принимала роды и лечила женские болезни, делала операции.

– Что у вас за мир? Что он собой представляет?

Мне было что рассказать, и в этот момент я даже ощутила гордость за место, где раньше жила. Интересно, что бы маг сказал, если бы побывал там?

– По развитию мой старый мир ушел вперед от вашего

примерно на два столетия. У нас нет магии, только наука и техника. Там люди могут летать по небу в специальных машинах – самолетах, как птицы. Лечить безнадежные в этом мире болезни, разговаривать и видеть друг друга, даже если живут в разных странах.

Показалось, что в серых глазах мелькнул интерес.

– Это разве не магия?

– Это называется наука.

– Интересный у вас мир.

– Ага, был. Но этот мне нравится не меньше, я успела здесь освоиться и настроить планов. – Я замолчала, чтобы собраться с силами и задать последний волнующий вопрос. Во рту разлилась сухость, откуда-то изнутри поднималась буря. – Что вы собираетесь со мной делать? Выдадите властям?

Норвин молчал некоторое время, потирая подбородок. Будто нарочно испытывал мое терпение.

– Сделать это было бы проще всего, но...

– Но?

Я видела, что у него на лице отражается борьба с самим собой.

– Как ни странно, я вам верю.

От этих слов меня наполнила легкость. Я безоговорочно ему поверила, потому что успела понять, что Норвин не из тех, кто нарушает свое слово. Он невыносимо, даже болезненно честен.

– Теперь мы с вами связаны даже крепче, чем раньше. Я не стану вас выдавать, мне по-прежнему нужна жена-целительница.

А вот последняя фраза немного разочаровала.

– А если у вас будут проблемы из-за того, что вы меня покрываете? – спросила я негромко, продолжая поглаживать спину Пискуна. Эти движения успокаивали.

– Вы уж постарайтесь, чтобы об этом никто, кроме меня, больше не узнал, – он невесело усмехнулся.

Сделать так, чтобы никто, кроме него, не узнал... И вдруг словно током шархнуло.

– Мне кажется, Эллен пытались убить этой грозой. Только вопрос – почему?

И я тут же поведала о своих странных снах-воспоминаниях и парадоксальном страхе, который накатил при виде незнакомца в библиотеке. Норвин слушал, напрягшись всем телом, и все сильнее хмурился.

– Знаете, Эллена, у вас потрясающая способность влипать в нехорошие истории. В своем мире вы были такой же?

– В своем мире я влипала только в плохих мужей, – выпалила я и запоздало хлопнула себя по губам.

Лицо Норвина вытянулось.

– Вы были замужем? И не единожды? – в голосе прозвучало самое искреннее удивление. Бедняга Норвин! Думал, что взял в жены невинную ромашку, а тут такой сюрприз.

– А что, в вашем мире так легко развестись? Или вы... –

он предостерегающе понизил голос: – ...черная вдова?

Я едва не рассмеялась.

– Нет, уверяю, мужей я не травила и не мучила. В моем мире совсем другие законы. Если вас смущает этот факт моей биографии, то мы можем не жить, как семья...

– Смущает, но не настолько, – заверил нейт Блайн и переплел пальцы. – У нас еще будет время поговорить обо всем этом.

Кажется, у моего мужа произошел разрыв шаблона. Уже в который раз. Разница менталитетов – страшное дело.

– Ваш мир очень странный. То, что сейчас я разговариваю с иномирянкой, кажется бредом, будто не со мной происходит. Я всегда был прагматичным и здравомыслящим, но вы, Эллена, привнесли полный хаос в мою жизнь.

Он постоянно повторял новое имя, которым меня наградил, словно оно ему нравилось. Или чтобы подчеркнуть, что я не Эллен.

– Зато с ней не скучно! – влез Пискун.

– Я не желала того, что случилось, говорю же. Не люблю никому мешать или быть обязанной. И мне очень жаль Эллен, она тоже ни в чем не виновата.

Норвин вздохнул, чуть наклонился вперед, уперев локти в колени и сцепив пальцы в замок.

– Отличный сегодня день, – продолжил устало. – А не пьян ли я? Сiju и разговариваю с попаданкой из другого мира, на службе очередные неприятности, в доме побывал

труп и гвардейцы. И нам как-то предстоит со всем этим жить.

В этот момент мы как будто стали ближе друг другу. Как сообщники, скрывающие страшную тайну. Не хотелось нарушать это ощущение, но я все-таки спросила:

– Как быть с моим арестом? Я не могу долго сидеть в четырех стенах, – и нервно сжала подол платья. – У меня пациенты, ученица, а в госпитале при гильдии лежит Тай Отто, я делала ему ампутацию, и теперь не могу оставить его на растерзание Ойзенбергу. Я знаю его гнусный характер, он не удержится от искушения снова подгадить, при этом свято веря в свою правоту. И чем дольше я буду тут сидеть, тем больше слухов обо мне будет гулять по городу. Мои враги сделают все, чтобы закопать мою репутацию, а сверху еще гранитный камень положить.

Нейт Блайн посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «Женщина, прищечи хвост».

– Я разберусь, – пообещал Норвин. – А вам советую пока поумерить пыл. Вы быстры и переменчивы, как ветер, вам бы очень подошла стихия воздуха, Эллена. И запомните, я делаю это потому, что снова поверил вам. Поверил в *вас*, – он выделил последнее слово и поднял указательный палец. – А еще потому, что мне интересно разобраться в этом феномене: в переносе душ из других миров. И, если Эллен действительно была убита, преступник должен понести наказание. – Лицо его стало жестким, а руки сжались в кулаки.

– Это все? Или есть что-то еще? – спросила я внезапно.

Сама не знаю, что хотела услышать.

Он поднялся с кресла и сунул руки в карманы брюк.

– Не понимаю, о чем вы. Вы говорили, что видите во снах воспоминания Эллен?

Я кивнула. Нейт блайн нахмурился и потер пальцами виски.

– И там было что-то, что здорово ее напугало?

– Верно. Но я не могу контролировать процесс. Воспоминания приходят не каждую ночь, я все время хожу вокруг да около, а стоит приблизиться к разгадке, сон обрывается.

– Так научитесь им управлять! – сказал Норвин так уверенно и просто, будто это был совет из разряда научиться жарить яичницу. – Вы уже изучили украшения, что я вам подарил? Среди них есть крупный кулон с лунным камнем в серебряной оправе. Моя бабушка была сновидицей, этот артефакт подчинялся только ей. Если у вас получится его пробудить, он может помочь. Еще я принесу вам книгу по магии сновидений.

Я не была уверена, что у меня получится. Но так же я думала и о магии в целом, а сейчас начала потихоньку использовать целительскую и бытовую.

– Мне пора. Меня ждут, – с этими словами он уверенно направился к выходу. – Надо еще с вашим делом разобраться и наведаться кое-куда.

– А можно попросить вас больше не использовать прослушку?

Он ничего не ответил. Закатил глаза, дернул ручку и переступил порог.

– Сидите дома и ждите, я сам сообщу вам новости. Попробую узнать, не применят ли к вам допрос у менталиста.

– Норвин? – позвала я, когда мужчина спустился на тропинку.

– М-м? – обернулся он через плечо.

– Спасибо.

– И после этого ты скажешь, что он не пусечка? – вздохнул фамильяр, когда мы остались в одиночестве.

– Пискун! Не повторяй это глупое слово! – я почувствовала, как краснеют кончики ушей. Не дай бог Норвин услышит, что его называют пусечкой. Это как гордого усатого тигра назвать кисулей.

– А знаешь, я немного в шоке. Сначала думала, что Норвин порвет меня на сотню маленьких Ленок, но и в этой ситуации он повел себя на редкость спокойно и рассудительно.

– Эл, ты вроде неглупая, за спиной есть кое-какой опыт, третий раз замужем. Ты что, не видишь, что ты ему интересна как женщина?! – проорал тиин мне в ухо так, что барабанная перепонка едва не лопнула. – Ты ему нравишься! Но он, скорее всего, этого пока не понял. Либо такой же упрямый остолоп, как и ты.

Я прошла на кухню с твердым намерением налить себе успокоительного чая, а потом обмозговать все как следует.

Сна не было ни в одном глазу, то и дело накатывали волны нервной дрожи. На полу кое-где виднелись кровавые пятна, их следовало немедленно вытереть. Жаль, нельзя так же удалить болезненные воспоминания.

– Именно потому, что у меня есть опыт тесного общения с противоположным полом, меня воротит от всех этих любовных соплей, – для верности я поморщилась и достала с полки коробочку с травами. – В последние годы жизни в своем старом мире я пришла к выводу, что отношения – это слишком проблемно. Лишний геморрой. И стала, что называется, сильной и независимой женщиной. Мне больше по душе теплый дружеский союз.

– Ага, теплый-теплый. Даже горячий, – тиин подергал меховыми бровями и ехидно продолжил: – А еще самовнушение – великая вещь! Ты только подумай, на что пошел Норвин, чтобы уберечь твою тайну. Он ведь, по сути, преступление совершает, покрывая тебя.

Я все это понимала. Как и то, что, несмотря на свою самостоятельность, чувствовать чужую поддержку и заботу приятно, хотелось ответить тем же. Показать, что на меня тоже можно положиться.

Я пыталась представить на месте своего теперешнего мужа Владика или Сережу. Как бы они поступили? И тут же ответила сама себе: «В первую очередь они бы думали о своей безопасности. Ну и что, что целительница? При желании можно найти другую, избавившись от неудобной жены».

Огненный маг снова подкинул мне пищу для размышлений. Если сейчас из дома не выйти, потрачу время с пользой. У меня еще много книг нечитанных, и упражнения на развитие магии не сделаны. А начну, пожалуй, с артефактов.

Норвин

Рассвет уже постучался в окна, когда я вернулся в штаб. Это утро было каким-то серым, тусклым и никак не желало связаться с эмоциями, которые я испытывал. Полный сумбур и безумие.

Прислонившись к холодной стене оружейной, я закрыл глаза.

– Эй, Норвин, – окликнул Эрн, мой друг по оружию. – Ты что такой потрепанный?

– На себя посмотри, – отозвался я лениво. – Ничего не случилось, пока я отсутствовал?

Эрни подошел ближе и, зевнув в кулак, покачал головой.

– С тех пор, как территорию зачистили, все спокойно. Закурить есть?

– Бросил.

Он кивнул и ушел восвояси, поняв, что сейчас я не в состоянии поддерживать беседу и думать о том, о чем, вообще-то, должен. Бессонная ночь и пережитые волнения делали свое дело.

Под закрытыми веками мелькали рыжие всполохи. Боле-

ли старые раны, в груди саднило. Я слишком много и часто использовал магию, и по всем прогнозам выгорание одолеет меня раньше, чем отца.

А мысли все крутились вокруг одного и того же. Точнее, вокруг одной и той же женщины, которая лишила меня покоя с того самого момента, как я переступил порог дома в Левилле. Тогда меня обескуражили ее наглость и дерзость. Ее, конечно, стоило наказать, проучить за побег, но это не вписывалось в мой характер и было бы мелочно с моей стороны. Отец учил быть великодушным.

Я знал, что Эллен не хотела этого брака, и даже чувствовал некую вину перед ней. Но она была нужна мне для подпитки сил, а я – нужен короне. И для этого с женой надо было поладить, а начинать семейную жизнь с обид и насилия – глупое решение. Я никогда не понимал разных схем и махинаций по соблазнению, просто жил и делал, что считал должным.

Я чувствовал в ней что-то странное, но и подумать не мог, что встретил самую настоящую попаданку из другого мира. Более того, оказался на ней женат. Звучит, как бред. И все же этот факт не стереть.

Я усмехнулся. Должно быть, сам Темнейший приложил к этому руку. Но, несмотря на то что писали об иномирянах, этих подселенцах в чужие тела, я с самого начала не чувствовал от нее никакой опасности.

Я плохо знал настоящую Эллен, но за две короткие встре-

чи успел запомнить ее мимику, жесты, манеру разговора, поэтому «новая» она удивила. Сначала я подумал, что, вырвавшись из-под родительской опеки, целительница стала вести себя более раскованно и дерзко. Потом стал замечать все больше и больше странностей.

Та, настоящая Элен, не вызывала у меня никаких чувств. Ее внешняя привлекательность не имела значения, не зажигала, не будоражила, потому что внутреннее наполнение было мне не интересно.

Но женщина, что предстала передо мной, была вся неправильная. Не такая, к каким я привык. В ней чувствовалась бешеная жажда жизни, знаний и свершений, простой человеческой судьбы ей было мало. Она вела себя так, будто ей плевать, что о ней подумают другие. Хотела исцелять людей, обладала железным упорством и харизмой, которая при любом раскладе была наповал, даже если бы у нее была внешность крокодила. Что уж говорить про смесь этой самой харизмы и женской привлекательности. Я видел, как на нее смотрели мужчины в доме градоправителя, и это будило во мне ревность и собственнические инстинкты. Моя служба не вязалась с семейными отношениями, я был женат на работе. Но последнее время ловил себя на мысли, что хочется почаще бывать дома.

Я чувствовал, что она меня опасается, но тогда и подумать не мог, что это все из-за боязни раскрыть иномирное происхождение. После приема показалось, что мы нашли общий

язык. Я долго думал над всеми словами и поступками Эллены, вспоминал все, что она говорила, и понял, что разгадку надо искать именно в угодившей в мою жену молнии. Визит в столицу подтолкнул меня к тому, чтобы поставить на дом заклинание прослушки, я просто обязан был убедиться в правдивости своей теории, какой бы невероятной она ни казалась.

И задавал себе вопрос: «Что я буду делать, если моя жена действительно окажется иномирянкой?»

Как оказалось, слуга короны из меня плохой. Свои интересы я поставил выше долга.

Когда я ощутил чужое проникновение сквозь купол и кровь, когда ворвался в дом через портал, я был очень зол. На ситуацию, на гвардейцев и самого себя, на то, что эта проблемная женщина так подставилась. Вышел из себя, хотя со мной такое случалось редко. А сегодня хотелось все спалить.

На какой-то миг я поверил, что Эллена и правда провела операцию, которая является тяжким преступлением. А мысль, что она так долго была не откровенна, только добавила масла в огонь. Было огромное желание вытолкать гвардейцев из дома пинками, а потом устроить ей допрос с пристрастием. Но в такой острой ситуации стоило вести себя дипломатично, чтобы не повредить и без того шаткому положению своей жены. Капитан Ферри с неохотой вспомнил, что не имеет права забирать ее в участок до выяснения всех обстоятельств, и убрался ни с чем.

А потом был самый странный и сложный разговор в моей жизни. Я чувствовал, как рушится моя вроде бы устоявшаяся действительность.

Жена на самом деле оказалась подселенкой. Даже не пыталась юлить и отрицать, словно безумно устала от своей скрытности. Но и в тот момент она не переставала думать о других: о своих пациентах, беременных, ученице. Интересно, много ли похожих людей живет в ее мире? Мире, где господствуют наука и техника и совсем нет магии.

А еще она была замужем. Дважды.

Я стянул перчатки и посмотрел на свои ладони. Главы лекарской гильдии, к огромному сожалению, не было на месте, зато был тот, о ком говорила Эллена. Мерзкий человечиска, надо сказать. С первого взгляда чувствуется, что с гнильцой.

Он сказал, что этой ночью на пороге гильдии действительно появился парень, чья подруга исходила кровью. Его отправили прочь со словами, что девочка уже покойница, никто не будет пытаться ее спасти. Но клялся, что это не он надоумил его повезти Лессу к моей жене.

Как же, не он. От каждого его слова разило ложью.

Нам запрещено применять силу против гражданских, за исключением особых случаев. А этот нейт Ойзенберг такой тщедушный, что тронь его пальцем – развалится. Бить такого совсем не по-мужски, но я не смог удержаться от искушения устроить небольшой пожар на его столе.

Лекарь аж в лице переменялся, пытаюсь потушить свои

бумажки, и визжал, как поросенок. Надеюсь, эти маленькие профилактические меры предостерегут его от необдуманных действий и вложат в голову мысль, что ссориться с мамами себе дороже.

Еще многое предстояло сделать. Эллена – моя жена, и я обязан ее защитить. Я узнал, что ее должен проверить менталист – это необходимая процедура, чтобы доказать ее невиновность. Значит, придется потолковать с этим самым менталистом.

Глава 2

Вечерняя духота окутала Левилль, когда я увидела перед собой приземистое серое здание. По периметру его опоясывал железный забор, перевитый листьями металлического плюща. Проходя через калитку, я ощутила, как заволновалась магия, а здание дознания, словно насмехаясь, подмигнуло одним из окон.

Полчаса назад за мной прибыли четверо гвардейцев, к этому визиту я морально готовилась целый день. Надежду давали мысли о Норвине, и я цеплялась за них, как за соломинку. Забавно, сначала я боялась этого мага больше всех, кого успела узнать в новом мире, а теперь доверяю лишь ему одному. Отныне мы с ним в одной лодке.

– Нейра, вам предстоит всего лишь беседа со штатным менталистом, не надо так бояться, – свысока заявил один из стражей порядка.

– С чего вы взяли, что я боюсь? Мне нечего скрывать.

А вот Пискун боялся. Он трясся, как пугливый хомячок, и летал по дому целый день, не находя себе места. Да причитал, что мою тайну вот-вот раскроют, чем очень отвлекал от дел. Я решила не давать себе поблажек и не заниматься самобичеванием, наоборот, с новым рвением взялась за учебу. Книги и упражнения на развитие каналов помогали отвлечься и скоротать время, тем более я мечтала поднять свой уро-

вень. В книге по магической медицине описывали очень интересные приемы, которые только и ждали, когда я их освою.

Прикосновение мужской ладони к плечу вырвало из мыслей, и я против воли ощутила волнение. Даже пальцы в кулаки сжала, чтобы не дрожать.

Мы прошли по длинному коридору, спустились по лестнице на нулевой этаж. На стенах горели магсветильники, по полу скользили длинные тени. Смысл делать кабинет менталиста под землей? Или это способ оказать дополнительное моральное давление на подозреваемых?

– Весело тут у вас, – заметила с иронией.

Но гвардеец шутки не оценил, только посмурнел еще больше. Толкнул деревянную дверь, приглашая меня внутрь. Первое, что бросилось в глаза – темный массивный стол с кипами бумаг, человек с залысиной, строчащий что-то со скоростью света. Он даже головы не поднял, когда я вошла.

– Здравствуйте, нейра Эллен! – раздалось с другой стороны, и я торопливо повернулась, чтобы замереть от удивления.

Меня приветствовал какой-то служащий, возможно, и сам менталист. Но интересовал меня вовсе не он. За спиной его, скрестив на груди руки и небрежно привалившись плечом к стене, стоял Норвин. Ох, как же я рада была видеть его лицо среди этих пресных, усталых и равнодушных лиц!

– Вмешательство должно происходить при свидетелях, – послышался его спокойный голос. – Поэтому вашим свиде-

телем буду я.

Я понятливо кивнула. Отличненько! Норвин явно придумал способ вытащить меня из глубокой-глубокой ямы. Показалось, или на лице его действительно мелькнула лукавая улыбка? Да его мимика разнообразится на глазах! Надеюсь, муженек знает, что делает. Или отправимся мы вместе в застенки, а я буду писать Делле и Пискуну письма молоком на бумаге, как ссыльный Владимир Ильич.

Менталистом оказался невысокий юркий человечек с острым носом и ежиком темных волос. Он слегка картавил, сжимал и разжимал пальцы, а по его лицу совершенно невозможно было определить возраст.

– Нейт Россейн, ментальный маг, к вашим услугам, – он улыбнулся угодливо, чуть наклонив голову. Потом бросил косой взгляд в сторону моего мужа.

Тот кивнул.

– Начинайте. Чего вы ждете?

– Конечно-конечно, нейт Блайн. Нейра Эллен, пройдите сюда, сделайте милость, – он сюсюкал со мной, как с ребенком, показывая руками в сторону большого дубового кресла.

Странного такого кресла, которое внушало недоверие только лишь тем, что на спине и подлокотниках имелись крепления, в которые были вдеты крепкие кожаные ремни.

Ой-ей... А они страшные ребята! Стоило представить, как меня зафиксируют, чтобы покопаться в мозгах, надпочечники выплеснули в кровь изрядную дозу кортизола. На висках

выступила испарина, глаза распахнулись.

Заметив мое состояние, менталист снисходительно рас- смеялся.

– Нет-нет, нейра. Вам не нужно пугаться. Просто сядьте в кресло и представьте, что вы на косметической процедуре. Я все сделаю быстро! От меня еще никто не уходил недоволь- ным.

– А вы любите шутить, нейт Россейн, – заметила я и по- правила воротник платья.

– Простите, это все профдеформация, – менталист вздох- нул и развел руками.

Я обернулась через плечо и поймала ободряющий взгляд Норвина. Муж кивнул, мол, давай, делай, как он говорит.

Что ж, была не была! Перед смертью не надышишься.

Но помирать я пока не собиралась. Не тогда, когда Тай в лапах врачей-грачей из гильдии, Делла не доучена, а госпи- таль только строится. У меня куча планов на этот мир!

Кресло оказалось жестким, как камень. Маг обошел меня кругом и встал за спиной:

– Закройте, пожалуйста, глазки.

От приторного тона скрутило живот, но я повиновалась. Последним, что я увидела перед тем, как сомкнуть веки, бы- ло лицо Норвина.

– Эл... – пропищал голос тиина в голове. – Может, лучше было все-таки свалить?

– Ты же сам расхваливал мне Норвина, помнишь? У меня

нет поводов ему не доверять. Только не после того, как все карты раскрыты.

И нелогично было позволять мне проходить проверку у менталиста, если бы он не нашел выхода. Только не с его силой и возможностями. А я, кажется, снова чувствую, что такое верить и доверять другому человеку. Сколько запрещала себя, а вот на тебе, здравствуйте...

Но как же приятно иногда ощутить себя слабой женщиной.

Висков коснулись, убрав волосы за уши, чужие холодные пальцы. Слегка сдавили, будто стремились проникнуть внутрь черепа, прорваться сквозь мой хлипкий барьер и порваться в воспоминаниях.

– Расслабьтесь, нейра. Я управлюсь быстро, – маг болтал что-то неразборчивое, а я невольно воскрешала в памяти самые яркие картинки из своей практики в Левилле и его окрестностях – ампутацию, использование акушерских щипцов в родах, борьбу с ботулизмом.

Это происходило инстинктивно, словно разум пытался выстроить стену, пряча опасные воспоминания из моего земного прошлого.

– Ага... так-так-так... хорошо... – приговаривал менталист, а я все ждала, когда почувствую вмешательство в свой разум.

На что это будет похоже? На щекотку? На укол? На взрыв мозга? О чем-то похожем я читала в книгах, но время шло,

а ничего не менялось.

Наконец, голову освободили из захвата. Перед глазами всплыло лицо довольно улыбающегося нейта Россейна.

– Вот и все! Я ведь говорил, что управлюсь быстро, – он подмигнул и метнул короткий взгляд в сторону Норвина. Потом подошел к секретарю и стал что-то диктовать. Я слышала лишь обрывки слов и хотела немного погреть уши, но вмешался муж:

– Поднимайтесь. Все закончилось, – Норвин галантно подал руку и помог встать с деревянного трона. А я так некстати подумала, что надо бы не забыть заказать акушерский стул, нечто подобное было и в нашем мире еще в Средние века.

Тьфу ты! Откуда эти мысли в такой момент? Другая бы отметила длинные сильные пальцы или широкий разворот плеч, а я специально обматываюсь колючей проволокой, когда дело касается чувств и эмоций. Только работа на уме, как сказал бы мой бывший.

– Спасибо, Норвин, – шепнула я одними губами и покосилась на Россейна. – Ну, он что-то выяснил?

– Потом поговорим, – взгляд серых глаз был непроницаем. – Мы свободны?

Вопрос был адресован уже ментальному магу. Повернувшись к нам всем корпусом, он склонил голову в каком-то угодливом жесте и сложил вместе кончики пальцев.

– Поздравляю, нейра Эллен. Я увидел все, что хотел, – и

расплылся в улыбке. – Завтра после обеда будет слушание по вашему делу, не пропустите!

– Конечно, моя жена придет. Как свидетель. Верно? – последнее прозвучало тихо, но слегка угрожающе, у меня самой аж поджилки затряслись. Говорить таким тоном, чтобы аж до внутренностей доставало – это надо иметь особый талант!

Нейт Россейн снова рассыпался в кивках и заверениях, а Норвин, как заправский санитар, схватил меня чуть выше локтя и потащил на выход.

Что вообще произошло, как ему удалось все разрулить? Неужели мои неприятности закончатся так быстро? Но рациональная часть рассудка пока боялась в это верить. Сначала надо пережить завтрашний день!

Гвардейцы любезно доставили нас до дома, но печать с ладони снимать не стали, объяснив это тем, что им нужно особое разрешение какого-то высокопоставленного лица, которое можно будет получить только после окончания разбирательств. Отлично! Как ляпнуть, так пожалуйста, а как снять – мы тут ни при чем, просто мимо пробежали.

– Странный какой-то менталист, – сказала я, когда мы оказались на пороге дома.

Летняя ночь была тиха, только где-то стрекотали сверчки. Лунный свет обволакивал сад, растекался лужицей по крыльцу – и это было красиво.

– Ага, очень странный, – кивнул Норвин, пряча в уголках

губ ухмылку.

– Вы с ним что-то сделали?

– Не без этого, – ответил он таинственно.

– Что именно? Запугали?

– Пришлось дать ему денег в качестве поощрения и популярно объяснить, что и как он должен сказать и сделать. Я озвучил ему нужную версию и запретил копаться в ваших мозгах. Ну и... – он напустил на себя самый честный вид, – ...запугал немного. Не без этого.

– Норвин! – страдальчески протянула я и закрыла ладонью половину лица. Стало дико, просто невыносимо стыдно, а еще чуточку приятно. Именно сейчас я ощутила себя безумно важной и нужной. Только чем я это заслужила? Он и знает меня настоящую всего-ничего.

Пискун что-то возбужденно тарыхтел, булькал и пускал розовые пузыри, но я пропускала его изливания мимо ушей. У нас с фамильяром еще будет время наговориться и обсудить случившееся.

– Я на тебя плохо влияю.

– И это все, что ты можешь сказать?

Как-то неожиданно мы перешли на ты, но сейчас это казалось естественным. Ничто так не сближает, как общая тайна.

– Нет, это не все. Я благодарна тебе за то, что сохранил мой секрет.

– Ты ведь читала книгу Корнелиуса Гульда, знаешь, что появление подселенцев всегда было знаковым событием. К

сожалению, людская память сохраняет только нехорошие моменты. Но я поверил в тебя, попаданка по имени Эллена. Твои знания могут сослужить хорошую службу этому миру. Мне бы очень хотелось узнать как можно больше о твоём странном мире без магии и тебе самой. А еще... – он наклонился чуть ниже ко мне и сощурил глаза, что-то высматривая. – Теперь не могу отделаться от мысли, что вижу перед собой совсем другое лицо.

– Что такое? Жар? Галлюцинации? – я нахмурилась и, скрывая усмешку, приложила ладонь к его лбу, предварительно отведя в сторону жесткую русую прядь.

– Ещё одно свидание. Когда все утихнет, – потребовал он. – В прошлый раз я разговаривал не со своей женой, а с маской. Ты была слишком напряжена.

– А ты прямо сразу в душу хочешь залезть?

Мать моя женщина, Елена Аркадьевна флиртует. Держите меня семеро! Наверное, в последнее время я перенервничала, но господин огненный маг слишком хорош и благороден, чертяка. Где-то на периферии сознания Пискун раз за разом впадал в экстаз от происходящего, издавая звуки спускающегося воздушного шарика. Теперь я понимала его прежнюю хозяйку, которая все чаще и чаще оставляла тишина дома одного.

– Мне, как истинному исследователю, всегда интересно, что творится в душе и в голове. Издержки профессии... Проклятье!

Как раз тогда, когда мы с нейтом Блайном плотно вошли в роль милых супругов, и когда по закону жанра должно было случиться что-то интересное, он вдруг тряхнул рукой и поглядел на палец с надетым на него крупным перстнем. Снова выругался.

– Вызывают. Тревога, – сообщил Норвин, и мне вдруг стало неудобно.

– Расскажешь, что все-таки творится? Я чувствую, что происходит нечто странное.

– Обязательно. Потом. А пока постарайся снова никуда не вляпаться, проблемная жена-попаданка, – с этими словами Норвин коротко поцеловал меня в уголок рта. Видно, чуть промазал, потому что в этот момент я переступила с ноги на ногу, а потом маг исчез в сиянии сотворенного портала.

– Ну наконец-то! Неужели это произошло! – Пискун развоплотился, как только мы оказались одни, и заметался по гостиной. – И как тебе первый поцелуй? Что почувствовала? Бабочки в животе? Легкость в голове? Иногда я тоже хочу стать человеком и понять, что это такое.

– Несносный болтун! Сейчас это не самое важное. Я не двадцатилетняя девица, чтобы таять от мыслей о поцелуях. Подумаешь!

Черные глазки сердито выпучились.

– Эл, ты повторяешь ошибки прошлой жизни! У тебя появился шанс на счастливую семью, понимаешь? Не проворонь его! Где ты еще такого хорошего мужика найдешь? А

ведь он молодой и не страшный – еще плюстик в копилку. Вон как зарделась, меня не обманешь!

Не согласиться с ним было тяжело. Лед начал таять, и процесс уже не остановить. Да и зачем? Этот мужчина смирился с моим попаданством и принял такой, какая я есть. А это уже очень много.

Ночь выдалась тревожной: я переживала за Норвина, за Тая, который остался один в госпитале, за парня, который после гибели Лесси мог натворить дел. Мне бы тихо сидеть в деревушке, вести прием и зарабатывать на жизнь знаниями, полученными в старом мире, так нет же, вляпалась по самые уши. Слишком жалостливая, с гипертрофированным чувством ответственности – так про меня говорили.

Всю прошлую жизнь я куда-то влезала и что-то на себя взваливала, позволяла на себе ездить и никогда не оставалась в стороне. К слову, подставляли меня не впервые. Было такое, что коллеги оперативно линяли после окончания смены, оставляя мне рожениц в тяжелом состоянии, которое можно было предотвратить, если как следует постараться.

К медицинским заботам теперь прибавилась тревога о Норвине. Сейчас я могла ощутить себя в его шкуре, мне категорически не нравилась его скрытность, хоть я и понимала, что подобные дела меня не касаются. Интуиция кричала, что здесь происходит что-то странное и нехорошее, а что именно – выясню.

На следующий день меня отвезли к месту разбирательства. Это был не суд в нашем, земном понимании, а некая подготовка к суду. Я почти не нервничала, просто любопытно было, чем все это закончится, и нашли ли того, кто провел бедной Лесси варварскую операцию, отнявшую ее жизнь.

На воротах стояли хмурые гвардейцы, они еще раз проверили мои документы и пропустили внутрь. Норвина я нигде не видела, и от этого стало тревожно.

– Нейра, вам надо пройти сюда, – человек в темной форме указал на одну из похожих друг на друга дверей. – Как раз сейчас будут вас вызывать.

Он не ошибся: прошла какая-то минутка, и назвали мое имя. Я вошла в просторный кабинет, отделанный светлым деревом. В самом конце на небольшом возвышении сидели несколько мужчин в служебной одежде, среди них уже знакомый менталист, нейт Россейн. Они все казались близнецами – настолько неприметной была внешность. Один потягивал воду из стеклянного стакана, второй что-то увлеченно писал, третий же махнул рукой, показывая, куда надо садиться. Я повернула голову и...

Надо же, какая встреча! По левой стороне восседали мои любимые лекари – нейт Ойзенберг и Калвин, а также несколько незнакомых молодых мужчин. Главы гильдии вид-

но не было.

Справа неслись всхлипывания. У другой стены расположились, должно быть, родители Лесси. Мать, черноволосая женщина с проседью, вытирала глаза платочком. Сразу стало ясно, чью внешность унаследовала девушка. Отец, напротив, всем демонстрировал свое презрение к происходящему и держался сухо, высоко подняв подбородок.

Чуть в стороне сидел юноша, что в ночи вломился ко мне в дом с мертвой Лесси на руках. Его голова была опущена, а руки сковывали магические наручники – тонкие браслеты, горящие серым светом. Вдруг он встрепенулся и поднял взгляд. Я кивнула, выражая свое приветствие и сочувствие одновременно.

Когда, наконец, добралась до стула, оказалось, что сидеть мне придется возле Ойзенберга. О компании приятней я в жизни не мечтала, и он вполне разделял мою радость.

– Вы довольны? – спросила Ойзенберга, не поворачивая головы. – Это ведь вы хотели меня подставить?

– Мне на вас вообще наплевать, как и на вашего мужа, – процедил лекарь сквозь зубы.

– Так уж наплевать? Стойте, а муж-то вам чем не угодил? Ойзенберг сверкнул злобным взглядом.

– Сами у него и спросите. Слишком много себе позволяете, маги.

Пока мы шепотом переговаривались, нейт Калвин бросал на меня осуждающие взгляды. Интересно, где носит их па-

почку Лейна?

Тут секретарь попросил тишины, и заседание продолжилось. Со мной говорил уже знакомый менталист, просил, чтобы я еще раз повторила свою версию событий. Пока я рассказывала, парень, которого звали Зан, едва не кинулся на отца Лесси – его сдержали магические наручники. Потом выяснилось, что в ту ночь он сбежал из моего дома, чтобы убить родителей возлюбленной, которые толкнули ее на отчаянный шаг.

Не сумел, его вовремя успели задержать. Иначе не миновать наказания, а так еще вся жизнь впереди. Со временем горе притупится, хоть и не забудется.

Выступали и нейты Ойзенберг с Калвином, которые давили на то, что по закону не обязаны принимать и оказывать помощь таким женщинам. Зан подтверждал, что я не виновата, потому что операция была проведена не мной.

Все сказанное тщательно фиксировал писчий, а под конец гвардейцы провели в зал бабушку лет восьмидесяти на вид. Морщинистая, вся в темном, из-под платка свисала седая пакля. Подслеповатые глаза смотрели зло и насмешливо.

– Ведьма, – шепнул нейт Калвин и осенил себя защитным знаком.

Я невольно поежилась. Она была чем-то похожа на черную колдунью из сказок, хоть я и не чувствовала от нее даже слабейших магических потоков.

– Это она убила нашу дочь! – закричала мать Лесси, но

бабка бросила:

– Ее погубила глупость. Не отреклись бы от дочери, ничего бы не было. Она сама пришла ко мне и умоляла.

Тяжело и неприятно было присутствовать при всем этом, но надо перетерпеть. Осталось совсем немного, и это сумасшествие закончится. Я вернусь к своему делу, к пациентам и строящемуся госпиталю, к Норвину. Нам о многом надо поговорить.

Старуха даже не отрицала своей вины. Более того, рассказала, как помогала многим деревенским женщинам. А под конец бросила:

– Лицемеры при власти. Мужчины... – и фыркнула презрительно. – Что бы вы понимали в этом, ваше дело сторона. Любите лезть, куда не просят. А я уже старая, свое отжила. Мне все равно, что со мной будет.

Ей и правда было все равно. Это было написано на лице старухи.

Внезапно она повернула голову и впиалась взглядом в мое лицо. Как будто хотела что-то сказать, но потом передумала и отвернулась.

В чем-то этот мир навсегда останется для меня чужим и диким. И я понимала, что изменить его не в моих силах, можно лишь немного помочь. Не сдаваться, не опускать руки. Не бояться завистников, сделать так, чтобы они меня боялись. Или обратиться в свою веру – асептику, антисептику и профилактику.

Конечно же осталось невыясненным, кто написал на меня анонимку. Либо выяснили, но предпочти тактично умолчать. А что, не только Норвин мог заплатить или пригрозить, лекари были могущественной гильдией, ссориться с которой себе дороже.

Когда все закончилось, с меня сняли дурацкую печать, ограничивающую передвижение, и извинились за причиненные неудобства. Я покинула зал одной из первых, у меня не осталось моральных сил смотреть на этих людей. Хотелось поскорей вдохнуть свежий уличный воздух.

Как оказалось, в тени старой липы меня уже караулили.

– Здравствуй, Йен, – вымученно улыбнулась я и помахала рукой. – Ты что же, не боишься, что наставники увидят тебя в моей компании?

– Я видел, как они ушли. К тому же у меня сегодня свободный день, я могу гулять, где душе угодно, – заявил парень, нервно поправляя воротник. – Нейра, я очень переживал, когда парни рассказали мне эту историю. Но рад, что все хорошо закончилось.

Я молчала несколько секунд, пристально глядя в лицо практиканта.

– Ты ведь не просто так меня здесь поджидал, правда? Что-то случилось?

Парень вздохнул и опустил глаза.

– Нейра Эллен, у меня опять для вас не слишком хорошая новость. Я решил, что вы должны узнать об этом как можно

скорее, вам ведь это важно...

– Что-то с Таем? – меня прострелило нехорошее предчувствие.

Йен поднял виноватый взгляд.

– Я не видел, когда нейт Лейн его выписал. Это случилось без меня...

– Выписал? После ампутации? Еще ведь слишком рано!

Ну сволочь! А я ведь успела подумать о нем чуточку лучше.

– Бедняков и бездомных долго не держат, им нечем платить, – пожал плечами Йен. – От них стремятся избавиться как можно раньше, чтобы занять койки другими больными.

Эх, житие мое, час от часу не легче!

– И куда же он отправился? – спросила я, потерев лоб указательным пальцем.

Думай, думай, что делать! Для хорошего заживления ему нужен покой и правильный уход. В противном случае совсем скоро придется проводить повторную ампутацию.

– А этого я не знаю, – Йен беспомощно развел руками.

Черт...

Глава 3

И где теперь искать блудного пациента? Куда потом его пристроить? Госпиталь, как назло, еще не достроен, в гильдии врачей я на птичьих правах, у меня нет там голоса.

А Лейн-то каков! Возможно, просто не захотел, чтобы молодые врачи видели, что мои методы работают и работают хорошо, вот и выгнал Тая поскорей. Признать меня это все равно что расписаться в собственных ошибках, позволить какой-то соплячке-магичке утереть себе нос.

Нет, местная медицинская помощь мне категорически не нравится. Так и будут еще лет сто топтаться на месте, лечась, условно говоря, подорожником. А потому я продолжу наносить добро и причинять справедливость, это уже дело принципа, азартный игрок внутри меня жаждет реванша. Они мне свинью подложили, а я им две. И молодняк весь уведу.

Но пока решаем проблемы по мере их поступления, а то я уж слишком размечталась.

– Нейра, – позвал Йен. – Мне кажется, я знаю, где сейчас может быть Тай Отто. В Левилле есть приют для бездомных, правда, они его не особо любят, потому что там заставляют работать, но все же... Может, проверим там?

Сказано – сделано. Я была дико благодарна Йену за то, что отправился со мной. Чувствовалось в нем что-то родное, русское. Этот мальчик с внешностью херувимчика и обман-

чивой мягкостью обладал внутренним стержнем, который с возрастом должен только окрепнуть.

И я рада, что удалось с ним столкнуться в тот день.

Пока мы ехали в наемном экипаже к приюту, Йен пересказывал гильдийские сплетни. Болтали, что видели моего мужа заходящим в кабинет Ойзенберга, после чего лекарь был необычайно зол и чуть не выгнал одного парня с практики. Это со мной Норвин мог быть терпеливым и обходительным, настоящим рыцарем, а вот с другими... Огненный маг как-никак. Интересно, не поджарилась ли вероломная задница лекаря?

Эти мысли принесли мне мстительное удовлетворение.

Еще Йен сообщил, что одни сразу поверили в мою невиновность, другие считали, что меня надо гнать поганой метлой и не давать сеять смуту в рядах молодых лекарей. Дедуля, нейт Бэйнс, нахваливал новую технику ампутации, подобную которой не встречал ни в одной книге. Еще парень, смущаясь, сказал, что я понравилась большинству его одногруппников, и они хотели бы снова увидеть меня на практике.

– Кстати, нейра, – спохватился Йен. – Завтра нейт Лейн будет проводить учебное вскрытие. Не хотите прийти?

– Возможно, – ответила я уклончиво. – Не думаю, что твой наставник будет в восторге, но мне все равно нужно с ним поговорить.

– Тогда приходите с утра в секционную, – Йен улыбнулся

и почесал светлую макушку. – Честно говоря, не понимаю, за что они вас так не любят.

Я посвятила его в причину, которая, по моему мнению, была основной. Лицо юноши пошло красными пятнами, в глазах зажегся огонек сомнения.

– Но это же глупо. Все видели, что во время ампутации больной не истек кровью, а после не умер от сепсиса. Многие слышали, что вы справились с ботулизмом и приняли сложные роды, в которых выжили и мать, и дитя, тогда как нейт Ойзенберг собирался спасти только ребенка. Не понимаю.

Я покровительственно похлопала его по плечу.

– Не бери в голову.

Мы давно миновали центр и ехали по бедняцкому кварталу. Некоторые улицы были узкими настолько, что соседи напротив могли здороваться за руку, просто высунувшись из окна. Зелени тут было меньше, зато навален мусор под порогами двух-и трехэтажных домов, верхние этажи которых были налеплены вкривь и вкось, отчего казалось, что вся эта конструкция в любой момент может обрушиться на голову.

Жители косились на нас с подозрением, ни следа приветливости на лицах. Но я не обижалась, тяжелая жизнь не располагала к веселью.

Наконец, мы остановились у невысокого обшарпанного здания с проржавевшей калиткой. Оттуда как раз выходили двое мужчин в старой изношенной одежде. Выскочив из экипажа, я бодро зашагала в их сторону, чуть опережая Йе-

на. Заметив пристальное внимание к своим персонам, они остановились и поглядели на меня. Один удивленно, другой – зло и как-то по-волчьи, будто спрашивал, что я здесь забыла и не хочу ли свалить подобру-поздорову, пока целы кости и кошелек.

Я поздоровалась и спросила, не знают ли они одноногого парня по имени Тай Отто. Мужчины переглянулись.

– Это Пирата, что ль? Отчего ж не знаем? Знаем, – хмыкнул тот, который с волчьим взглядом. – Только зачем он понадобился такой расфуфыренной фифе?

– Имейте уважение, эта нейра – первоклассный целитель! – вмешался Йен.

Бездомный прыснул.

– Целитель? А чирьи на заднице ты исцелить можешь? – И оба зашлись хохотом.

Я схватила за рукав покрасневшего Йена, давая понять, чтобы он молчал и не вмешивался.

– Могу, – спокойно ответила я. – Снимай штаны.

Смех резко прервался. Йен икнул, шутник попятился, а его спутник уронил челюсть.

– Чего? – спросил мужик, смутившись.

Я полезла в сумочку и сделала вид, что что-то ищу.

– Сейчас только скальпель найду, как раз вчера заточила. Чего медлишь, уважаемый? Сейчас будем чирьи вскрывать, это моя любимая процедура. Почему до сих пор в штанах? Не смущайся, мужские ляжки меня давно не пугают.

Шутник неосознанно схватился за мягкое место. Он больше не зыркал волком, на лице красовалось удивление. Спустя несколько секунд до него, наконец, дошло. Мужичок не обиделся и не рассердился, напротив, шлепнул себя по коленям и согнулся в приступе хохота. Отсмеявшись, погрозил пальцем:

– А нейра, оказывается, с чувством юмора. Ува-жа-аю! Так кто тебе нужен, Тай?

И он рассказал, что как раз недавно Тай приковылял в приют на невесть откуда взявшихся костылях. При этом мои собеседники ругали лекарей всеми известными им нецензурными словами, чем вызывали у Йена возмущенные охи.

– Ногу бедолаге оттяпали, представляешь? Да я бы этих коновалов, уу-у-у! – и, сжав руку в кулак, мужичок погрозил кому-то неведомому. Он ведь не знал, что это я провела ампутацию.

– Ага, – поддакнул второй. – Им только дай волю, все отрежут, кроме головы. А раз у Пирата не было денег, его быстренько оттуда выперли. Лечись, мол, подорожником, друже.

Так я узнала, что у моего подопечного появилась новая кличка – Пират. Очень добрый, дружеский юмор. Только черный слегка.

– Поищи его где-то там, – мужик махнул за забор. – Сейчас как раз похлебку раздавали, быть может, Тай еще там.

– Спасибо, вы очень любезны! – поблагодарила я и схватила Йена под локоть.

Когда наши новые знакомые зашагали по своим делам, юноша сказал:

– Не перестаю вам удивляться. Вы совсем не похожи на женщину вашего возраста и положения, а шутки у вас... – он многозначительно замолчал.

– Была хорошая школа жизни, – уклончиво ответила я. Снова палюсь, да. Ничему меня жизнь не учит. – Но давай поспешим, может, удастся отыскать Тая!

Во дворе приюта накрыли несколько деревянных столов. Дородная бабища цыганской наружности разливала дымящееся варево по мискам, то и дело ругаясь на тех, кто пытался влезть без очереди или пройти во второй раз. Бездомные сидели на лавках или просто на траве, активно работая ложками. Я чувствовала кожей, как нас провожают внимательные глаза, чувствовала зависть и даже злость.

Тетенька с половником подбоченилась и окинула меня оценивающим взглядом.

– Кого-то ищете? – гаркнула тоном следователя. – Опять что-то сперли?

Я поспешила заверить ее, что все в порядке, и негоже обвинять бездомных в воровстве бездоказательно, а потом спросила про Тая.

– Безногий, что ль? Да приковылял недавно... – покрутила головой. – А вон он, видите? У крыльца сидит.

И точно, я узнала фигуру парня под навесом. Он сидел на ступеньках, сторбившись, и неторопливо поедал похлеб-

ку. Рядом лежали грубо сработанные костыли и узелок с вещами.

Игнорируя любопытство раздатчицы, мы с Йеном направились напрямиком к пациенту. Едва увидев нас, Тай поперхнулся.

– Вы? Откуда? – спросил, не веря, что пришли за ним.

– Твое лечение еще не окончено, а я, знаешь ли, не люблю, когда мой труд пропадает даром.

– Но мне сказали, что я уже здоров, и...

– Мне нужно тебя осмотреть, – безапелляционно заявила я.

К счастью, на пороге показался мужчина, назвавшийся смотрителем приюта, и я попросила отвести нас в место поспокойней. Он, хоть и удивился, постарался не подать виду. Наверное, думал, что перед ним важные господа, а я не преминула сообщить о статусе магички.

Сначала смотритель привел нас в помещение с рядами матрасов на полу. Внутри пахло сплошной антисанитарией, и я невольно передернулась, чувствуя, как зачесалась голова из-за фантомных вшей. Потом, включив-таки совесть, нейт разрешил воспользоваться своим кабинетом.

Повязку Таю требовалось заменить, но у меня не было с собой ни перевязочного материала, ни инструментов. При помощи магического зрения удалось обнаружить признаки небольшого воспаления, но ничего критичного не было. Конечно, ему еще нужен уход и присмотр, выгнать такого боль-

ного было очень жестоко. Йен это понимал тоже.

– Я знаю, что делать! – просиял молодой лекарь. – Здесь оставлять Тая нельзя. А вы, конечно, не сможете поселить его у себя, да и вашему мужу это не понравится.

– Что ты хочешь сказать?

Пациент прислушивался к нашему разговору с робкой надеждой, он до сих пор не мог поверить, что оказался кому-то нужен.

– Мои друзья практиканты снимают в Левилле дом, мы собираемся там, когда надо учить много материала, – продолжил воодушевленный Йен. – Мы с парнями сможем по очереди за ним присматривать, таким образом у нас будет практика прямо на дому. Я хорошо запомнил все, о чем вы говорили, Тай не пропадет.

А что, это отличный выход! Как сказал Йен, для мальчишек это будет дополнительная практика, и больной будет под присмотром. Главное, чтобы нейту Лейну не проболтались, вряд ли ему понравится такое самоуправство.

– Я так не могу, нет. Я здесь останусь, – упрямо мотнул головой Тай. – Вдруг ваши друзья будут против?

– Не будут, – уверенно заявил Йен, а я сказала, положив Таю руку на плечо:

– А ты представь, что делаешь это ради науки. Твоя нога принесет пользу молодым лекарям, ты сделаешь свой вклад в развитие лекарского дела.

Еще какое-то время пришлось уговаривать растерянного

парня, прежде чем он согласился.

– Если захочешь, то будешь работать в новом госпитале, – сказала я ему. – С голоду не пропадешь и не надо будет таскаться в этот приют. После открытия потребуются руки, дело найдется и для тебя. Как раз к тому времени раздобудем тебе протез.

Глаза парня увлажнились.

– Протез? Это ведь дорого, я и мечтать не смел...

– Отставить слезы. Потом отработаешь.

На том и порешили. Под удивленные взгляды бездомных и строгой тетушки-раздатчицы Тай покинул приют вместе с нами. Было видно, что ему все еще неловко и стыдно от своей беспомощности.

За оградой нас дождался извозчик, недовольный, что пришлось так долго торчать в неблагополучном квартале. Я попросила высадить меня ближе к центру, хотела прогуляться до дома пешком, зайти на рынок и в пару лавок, заодно погреть уши и пособирать слухи. Почти уверена, что злопыхатели пустили обо мне нехорошие сплетни после того случая. Как это отразится на репутации? Станет меньше пациентов? Или наоборот?

На прощание я дружески похлопала Йена по плечу.

– Что ж, надеюсь на тебя. И жду новостей. Уверена, ты справишься. А я буду наведываться к вам и проверять, как идут дела. Адрес записала, загляну завтра вечером вместе со своей ученицей.

Гордый собой, молодой практикант кивнул.

– Спасибо за доверие, нейра Эллен. Я чувствую себя почти состоявшимся лекарем, в гильдии нас пока ни к чему важному и сложному не подпускали.

– Я всегда буду помнить вашу доброту, нейра, – сказал Тай негромко.

Покидая этих двоих, я отчего-то была уверена – здесь все сложится хорошо. У Йена руки растут из правильного места. А на повестке дня у меня погружение в артефакторику, я ведь обещала Норвину. К тому же, если его матушка была целительницей, среди ее вещей может найтись что-то очень ценное и интересное. Что-то, что может помочь мне освоить новые техники магической медицины.

И второе: а наведуясь-ка я завтра с утра в башню лекарей на мастер-класс по вскрытию от нейта Лейна! Меня все еще не оставляла надежда достучаться до его здравого смысла. Поводов выгонять меня я вроде как не давала, а завистники не должны думать, что я поджала хвост. Тем более планы по соращению, то есть переманиваю молодняка сами себя не реализуют, а нейт Ойзенберг напуган моим мужем.

И внутреннее чувство подсказывало – новый визит станет знаковым сразу для нескольких людей.

Глава 4

Утром я была бодра, свежа и готова к новым свершениям, несмотря на то что сидела над артефакторикой под чутким руководством Пискуна до поздней ночи. Все эти свойства камней – не только магические, но и физические, путали и утомляли. А мозг не понимал, как вместить и переработать столько информации.

Первое, что меня заинтересовало, это артефакты с рубинами. Испокон веков они использовались в целительской практике для помощи в остановке или ослаблении кровотечений, но были одними из самых капризных камней. Активировались в руках далеко не каждого целителя, пожирали огромное количество магии или приводили к избыточному свертыванию крови и тромбозу сосудов. В общем, большинство целителей предпочитало обходиться без артефактов. Зато тем, кому удалось их подчинить, они очень и очень помогали.

Я нашла среди украшений матушки Норвина золотой браслет с тремя небольшими рубинами, Пискун сразу опознал в нем артефакт. К сожалению, первое знакомство с ним прошло неудачно, браслет и не думал отзываться.

Следующее, что привлекло внимание – серебряный кулон с лунным камнем. В книге писали, что лунные камни использовали самые сильные сновидцы, а мой муж намекал на то,

что такой артефакт может помочь раскрыть воспоминания Эллен и увидеть то, что меня интересует. В имеющейся под рукой книге по артефакторике было неприлично мало информации, а тиин не мог подсказать ничего дельного.

Как бы я ни ломала голову и ни храбрилась, все-таки уснула прямо на диване с кулоном Норвиновой бабушки в кулаке. Не знаю, подействовал ли лунный камень, но до самого утра я спала крепко и спокойно, без сновидений. А мне ведь так хотелось узнать, какую тайну скрывала Эллен Уолш.

– Значит, время еще не пришло, – утешил Пискун. – Ты пока не готова принять эти знания.

Зато после ночного фиаско я была готова встретиться со своими заклятыми «коллегами» лицом к лицу, и утром стояла как штык на входе во владения гильдии. Никто не стал меня задерживать или требовать документы, все меня уже знали, а один сонный опаздывающий практикант проводил в секционную. Парнишка учился в одной группе с Йеном и хорошо его знал.

В цокольном этаже было прохладно, а просторную круглую аудиторию заливал свет магсветильников. В центре располагался стол, вокруг которого столпилось человек пятнадцать. Во главе – нейт Лейн. Как обычно небритый и растрепанный, в помятой рубашке с закатанными до локтей рукавами, он что-то увлеченно вещал.

Мы с юным опоздуном старались подойти тихо, чтобы не привлекать внимания, но главный лекарь вдруг поднял голо-

ву, и лицо его стало кислее лимона. Постепенно меня заметили и остальные, в том числе Йен. Надо будет расспросить его о Тае после вскрытия.

– Сейчас мы увидим, как выглядят внутренние органы этого человека, и попробуем определить причину смерти.

Взяв в руку большой секционный нож, Лейн откинул простыню с тела мужчины и сделал первый разрез от шеи до лобка. С болью и брезгливостью я наблюдала, как он занимается грязной и опасной работой без перчаток – самой минимальной защиты. Для меня, современного врача, это было настоящей дикостью. Но умничать сейчас – не самая лучшая идея. Лекарь только обозлится. А он мне пока нужен, даже несмотря на то, что ведет себя хуже самого упертого барана.

Из курса судебной медицины я помнила, что сначала проводится осмотр наружных покровов, потом исследование полостей тела, внутренних органов и крупных сосудов. Любопытные практиканты напирали, пытаясь ничего не пропустить.

– Ммм, вкусняшка, – прошептал один из парней и хихикнул.

Да уж, идиоты-студенты есть в любом из миров.

Лейн вскинул голову и зло сверкнул глазами.

– Практикант, покиньте секционную. Шутить будете со своей мамочкой, – произнес строго. – Следующий месяц остаетесь без стипендии.

Понуриив голову, незадачливый весельчак поплелся к вы-

ходу. Я отметила, как ловко глава гильдии орудует секционным ножом.

– Что вы видите? – спросил лекарь, обведя практикантов внимательным взглядом.

Раздались неуверенные реплики.

– Отек в легких, – произнес Йен, почесав подбородок.

– Полнокровие, – добавил рыжий парнишка.

– Гной...

Высказались еще пара человек, и, наконец, нейт Лейн произнес ележным голосом:

– Нейра Эллен, а что это вы притаились в задних рядах? Брезгуете?

Да, такой вопрос после участия в ампутации был немножко странным, но на меня устремились пятнадцать пар любопытных глаз, а глава гильдии тоном заботливого дядюшки продолжил:

– Подходите ближе, не стесняйтесь. Расскажите, что видите именно вы. Может, такая талантливая нейра сразу определит, отчего умер этот несчастный?

Парни расступились, давая мне подойти к столу. Специфический запах стал сильнее, но я даже не поморщилась. Достала из кармана предусмотрительно захваченные перчатки и лихо натянула, вызвав смешки практикантов.

– Так-так... – протянула задумчиво.

Тем временем нейт Лейн отделил почку и, положив ее на металлический поднос, разрезал.

– Вижу участки некроза, тромбы в сосудах...

В универе нам повезло с преподавателем по судебной медицине. Проводя вскрытия, он всегда все подробно объяснял, да и патологоанатомическую картину некоторых заболеваний я помнила. Но да, патанатомия – очень сложный предмет, а я в нем далеко не спец. Но можно определить диагноз, если включить логику и клиническое мышление.

Я внимательно осмотрела органокомплекс, все ближе подбираясь к кишечнику. По пути встречались кровоизлияния, язвочки, отечность внутренних органов и гнойные очаги между петель кишечника... Оп-па, стойте-ка!

– Вот, посмотрите, это похоже на гангрену червеобразного отростка.

Я не была уверена, знают ли в этом мире слово аппендикс, поэтому использовала упрощенное название. А у несчастного больного, похоже, развился гангренозный аппендицит.

– Судя по всему, больной погиб от перитонита и заражения крови. А вот и сам отросток, я даже вижу отверстие, через которое прорвался гной.

Практиканты молчали, внимательно глядя на багрово-фиолетовую плоть, нейт Лейн задумчиво хмурился.

– Что ж, нейра права, – протянул он, наконец.

А потом продолжил вскрытие, разрезая кишечник и подробно демонстрируя всем воспаленный аппендикс и урон, который тот нанес организму.

Когда главный лекарь закончил, практиканты начали за-

сыпать его вопросами. Было грустно от того, что в нашем мире такого пациента могли спасти, но в этом – увы. Его даже не донесли до операционной, бедолага терпел дома до последнего.

Он ощутил резкую боль в момент, когда лопнул воспаленный отросток, и из него прорвался гной в брюшную полость. Когда аппендикс начал отмирать, боль притупилась, но вместе с этим в кровь хлынули тонны микробов, и начался сепсис.

– А вы не считаете, что причина смерти этого человека и рожениц с послеродовой горячкой одна и та же? – поинтересовалась я у Лейна.

Еще в шестнадцатом веке итальянский врач сформулировал теорию, что в возникновении заболеваний виновны какие-то мельчайшие живые существа. Но доказать ее он не смог: тогда не было микроскопа. И даже после его изобретения ученые далеко не сразу поняли роль бактерий и вирусов в жизни людей.

Сейчас это кажется бредом, но в возникновении родильной горячки винили... эмоциональное потрясение роженицы! Другие считали, что смерть от нее – это наказание за то, что женщина позволила увидеть срам мужчине врачу.

В учебнике Эллен по целительству было описано примерно то же самое. Жесть. Просто жесть.

– Одна и та же причина? Вы издеваетесь? Чему вас в Академии учат! Кайсон, из-за чего возникает родильная горяч-

ка? – спросил нейт Лейн.

– Это наказание женщине за несправедную жизнь, – вперед вышел парень с гладко зачесанными светлыми волосами и узким лицом.

Лейн поглядел на меня взглядом под названием: «Слышала, курица?»

– Получается, тогда целая тьма женщин несправедна? – меня охватило глухое раздражение.

– Точно. Женщина – вместилище порока, – согласился Лейн.

– Да-да, вы совершенно правы. Так и есть. А в магичках порока вмещается в два раза больше.

Лекарь не ожидал, что я так легко соглашусь и приправлю ответ самоиронией, и оставил попытки меня поддеть.

– Все свободны. Отправляйтесь к нейту Калвину, у него найдется для вас работа.

Когда практиканты разошлись, нейт Лейн, старательно делая вид, что не замечает меня, сполоснул руки в тазике и вытер их платком.

– Вы еще здесь, нейра?

– Я хотела с вами поговорить, – подойдя ближе, я скрестила руки на груди.

– Что еще вам от меня нужно?

– Вы нарочно выписали Тая Отто так рано? Вы ведь знали, что ему некуда идти, это было жестоко. Подозреваю, вы это сделали, чтобы насолить мне. Он ведь пошел на поправку,

это все видели.

Лейн нетерпеливо закатил глаза.

– Да у вас мания величия, нейра Эллен! А у гильдии нет денег, чтобы содержать каждого оборванца и спонсировать его лечение. Сказал бы спасибо хотя бы за то, что мы для него сделали. Нам не выделяют средства из городского бюджета, нас кормят больные. Этим и объясняется независимость гильдии от властей. Но я решил в очередной раз не ссориться с градоправителем и удовлетворил его просьбу допустить вас к практике, хотя по-прежнему считаю, что женщинам здесь не место.

– Но ампутация была успешна, а период заживления проходил удачно, с этим вы спорить не станете?

Лекарь что-то неразборчиво пробубнил.

– Я все еще верю, что мы можем договориться, поэтому взываю к здравому смыслу, – продолжила я наступление. – Подумайте о благе пациентов, дорогой нейт.

И тут я заметила, что Лейн сжимает в кулаке платок. Поморщившись, он встряхнул его, расправил и замотал палец. Я успела увидеть кровавое пятно и все поняла. Догадка привела меня в ужас.

– Вы порезались!

– И что? – презрительно бросил лекарь.

– Надо обработать рану, пока трупный яд не попал в кровь.

– Всего лишь мелкая царапина, что вы ко мне привяза-

лись?

– А то, что от заражения крови можно умереть. Вас это совсем не волнует? Вы ведь взрослый человек, глава лекарской гильдии, – попеняла я.

– Да прямою я, прямою, только отстаньте, – он скривился, как от зубной боли. – В жизни не видел такой настырной женщины.

– Давайте я помогу обработать, – предложила, подозревая, что лекарь отнесется к самому себе наплевательски, как и любой врач.

– Эл... – раздался знакомый голосок в мыслях. – Он может умереть?

– Возможно все, Пискун, – подтвердила я.

Темная часть моей душонки шепнула, что если главный лекарь разболеется, это станет для всех уроком, и мне будет легче развивать асептику и антисептику, используя его печальный пример.

– Решили взять измором? Просто оставьте меня в покое, нейра, – он сверкнул глазами из-под живописно торчащих бровей.

– Обязательно оставлю! Только у меня к вам еще одно дело.

На этой фразе лекарь едва не взвыл, его подбородок затрясся, как у припадочного.

– Я хочу пойти в родильное отделение. У меня есть опыт, приобретенный в столице. Я могла бы им поделиться с прак-

тикантами, снять нагрузку с ваших акушеров и помочь роженицам.

– Много хотите, – буркнул тот. – Там заведует нейт Ойзенберг, он вас не жалует. И без вас прекрасно справлялись.

– Но главный лекарь – вы. Если вы распорядитесь, вряд ли он ослушается.

Да и лезть ко мне побоится. Уж не сомневаюсь, что Норвин сделал вероломному эскулапу внушение.

Наконец, терпение Лейна лопнуло. Он взвыл, как раненый зверь:

– Да идите куда хотите! Только отстаньте от меня, настырная женщина!

Я улыбнулась – это была очередная маленькая победа. Добавить тяжелой артиллерии, и скоро эта крепость падет!

День прошел насыщенно. Пользуясь временной вседозволенностью, я посетила родильное отделение. Женщины явно обрадовались, что в госпитале появилась их сестра по полу, потому что, как ни крути, допускать к телу посторонних мужчин им было не слишком приятно, даже если те были лекарями.

Как говорили у нас, врач – существо бесполое. Но это забывалось, стоило залезть на кресло враскоряку.

Трое практикантов, среди которых затесался и Йен, с любопытством наблюдали за осмотром и опросом пациенток. Отношение к беременным и роженицам здесь было не слишком бережным, никто над ними не трясся, считая, что это

естественный процесс. А померла – ну, бывает. Значит, много грешила.

Я хотела остаться (вдруг привезут рожающую?), но обещала вечером заглянуть в квартиру практикантов и проверить Тая. Да и Деллу уже несколько дней не видела, а ей не помешает посмотреть на то, как обрабатывать послеоперационную культую.

К тому же вокруг мрачной тенью летал нейт Калвин, приятель Ойзенберга. Сам же Ойзенберг на глаза мне пока не попадался. Трусил? Забился в нору после визита моего сурового мужа? Ответа не было, да и не особо меня интересовал этот противный лекарь. Пускай хоть лопнет от злости!

Присутствие же Калвина действовало на меня похлеще, чем молитвы экзорциста действуют на демонов. Его взгляды прожигали затылок, как раскаленные пруты, в каждом его слове чудился намек на меня. Неприязни Калвин вызывал у меня меньше, чем Ойзенберг, но все равно, будь моя воля, я бы его даже не видела. В конце концов, первым не выдержал именно он. Глядя на меня в упор своими блеклыми рыбьими глазами, лекарь произнес, едва размыкая губы:

– Время практикантов вышло. Прошу вас покинуть госпиталь, нейра.

Можно было возразить, почему тогда остальные торчат здесь весь день и даже ночуют, но я решила благоразумно промолчать. Ничего, придет и мое время, а вода и камень точит. На данном этапе у меня здесь нет никаких прав, остает-

ся только ждать, когда будет достроен новый госпиталь. Может, предложить нейту Лейну разделить сферы влияния? У меня – преимущественно акушерско-гинекологическая помощь, у него – хирургическая.

Ох, какой же вой поднимется! Если верить словам Йена, с рожениц и их семей гильдия имеет больше всего. Думая об этом, я едва не налетела в коридоре на здорового лекаря с большими, как лопаты, руками и торчащей рыжей бородой.

Я не общалась с ним лично, но знала, что его зовут нейт Брайтен. Впервые услышала о нем еще от Милли, которая боялась до икоты, что его позовут принимать роды. Он тот, кто ставит в приоритет жизнь матери над жизнью ребенка и использует страшные инструменты.

– Что, селедка все еще там крутится? – спросил он грубо. Голос у него был низкий и хриплый, как у людоеда.

– Вы о ком? О Калвине? – догадалась я.

– А о ком же еще? Вы видели здесь вторую селедку? – он сощурил глаза, озираясь по сторонам.

Нейт Брайтен показался мне странным и немного пугающим, а еще он явно недолюбливал коллег. Может, я смогу с ним подружиться?

Внезапно взгляд его глубоко посаженных темных глаз остановился на моем чемоданчике.

– Говорят, у вас есть набор каких-то жутко интересных инструментов, – Брайтен ухмыльнулся в усы. – Можно посмотреть? Люблю железяки, знаете ли.

– Это вовсе не железяки, уважаемый, – ответила я холодно. – Что ж, если хотите, можете взглянуть.

Не скрывая нетерпения, Брайтен завел меня в аудиторию, где занимались практиканты. Сейчас она пустовала, только лишь дедулька Бэйнс что-то писал за столом. Увидев меня, старый лекарь приветливо улыбнулся.

– А вот и наше прекрасное юное светило! Я проверял вашего больного после ампутации, заживление шло хорошо, и мы могли бы наблюдать парня и дальше, но глава решил его выписать, – произнес он с осуждением, и я поняла, что далеко не все поддерживают методы Лейна.

– Бэйнс, все не успокоишься? Тебе, старому, на отдых пора, – добродушно прогудел мой новый знакомый. – Занимайся срамными болезнями, хирургия для тебя уже слишком тяжела.

– Возраст не мешает мне интересоваться новыми открытиями, я всегда был любопытен, – дедуля назидательно поднял палец вверх.

А после лекари с любопытством разглядывали содержимое моего чемодана, охая при виде акушерских щипцов и прочих современных инструментов.

– Говорите, вы можете исправить положение плода в матке? – недоверчиво хмурился Брайтен. – Обычно при поперечном положении погибают оба, но я наловчился спасать хотя бы женщину.

Я описала ему случай с Милли, после которого меня воз-

ненавидел Ойзенберг. Искреннее любопытство лекаря воодушевило, я понимала, что не все потеряно, и найти единомышленников в гильдии вполне возможно. По крайней мере, Брайтен не похож на женоненавистника или неадекват.

– Среди простых людей бытует мнение, что магу достаточно взмахнуть рукой, чтобы вылечить человека. А у вас вон, я смотрю, целый арсенал, – дедуля задумчиво погладил подбородок.

– Не все так просто. Магия – не лекарство от всего, не существует волшебной пилюли, поэтому я привыкла больше полагаться на собственные навыки и инструменты.

– А не подскажете, где вы раздобыли такие милые вещицы? – нейт Брайтен все никак не мог успокоиться. Вертел и крутил щипцы, то смыкал рукоятки, то размыкал.

Я рассказала о том, что сделала у литейщика Луйса индивидуальный заказ и пообещала лекарю, что обязательно научу его пользоваться этим инструментом так, чтобы не нанести младенцу увечий. А потом и подарю отдельный экземпляр.

Покидала я эти стены в приподнятом настроении и знала, что завтра обязательно вернусь. Наконец-то начинаю себя чувствовать хоть немного своей в этом мужском царстве.

Ради того, чтобы добиться своей цели, я готова была пахать и не тратить время на валяние на диване. Я жила по этому принципу в старом мире, он помог мне построить карьеру и стать известным в городе акушером-гинекологом. Чув-

ствовала, что порой полезно остановиться и выдохнуть, посмотреть в другую сторону, но продолжала отмахиваться от этой полезной мысли. Наверное, зря.

Здесь я невольно повторяла этот сценарий и боялась признать даже сама себе, что такой бешеный темп помогает отвлечься и заглушить иррациональное чувство тревоги. А беспокоило меня несколько пунктов: один из них такой высокий, сероглазый и до зубовного скрежета благородный.

– Эл, если нейт Лейн заболит, ты будешь его лечить? – тиин снова вышел со мной на связь. Все время, что я была в госпитале, он вел себя тихо и смирно, сидел у меня на руке в виде браслета.

– Я не смогу бросить человека в беде, даже если это Лейн. Но все-таки надеюсь, что у него хватит навыков, чтобы обработать рану и не допустить заражения. Я не желаю ему зла, – ответила честно.

И дураком не считаю. Для своего времени и уровня развития медицины он довольно умен, раз смог так подняться. И все же верит в средневековую ересь.

Взбодренная визитом в госпиталь, по пути домой я совершенно случайно купила в лавке тряпичную куклу. У нас, женщин, так бывает. Зато потом можно сказать: «Ой, это не я, оно само купилось».

– Зачем тебе эта страшилина? – Пискун вновь принял облик мехового комка и уселся мне на плечо.

– Ты не понимаешь, – я повертела в руках куклу из мешко-

вины с глазами-пуговицами. Сделана она была весьма неаккуратно и походила не на милого пупса, а на зомби. – С ее помощью я буду наглядно показывать механизм родов своим ученикам. Теория еще никому не помешала, настоящий врач должен ею владеть.

У меня уже появились идеи по построению учебного процесса.

– Тиинова мать! – воскликнул фамильяр и закатил глаза. – Спаси и помилуй! Эта женщина все больше и больше меня удивляет. Лучше бы шоколада мне купила.

– Ладно-ладно, не ворчи, подушка меховая, будет тебе шоколад.

Пока я ходила по лавкам, заметила странную вещь. Иной раз люди, видя меня, пропускали к прилавку без очереди, улыбались с узнаванием. Другие отводили глаза и начинали шептаться – явно поверили порочащим слухам.

Вечером мы встретились с Деллой, и она сразу засыпала меня вопросами. Моя ученица выглядела испуганной, щеки покраснелись. Она думала, что меня арестовали и увезли в столицу, и теперь рада была видеть меня на свободе в добром здравии.

– Дожили, – ворчала старуха Крелла, пока ее внучка собиралась. – Все хотят контролировать. Помяни мое слово, они тебя в покое не оставят! – и погрозила пальцем. – Ты ступила на опасную дорожку, девочка. Тебе с мужчинами не тягаться.

– Может, я решила обратить их в свою веру?

Бабуля посмотрела на меня, как на дуру. Потом махнула рукой.

– Делай, как знаешь, только Деллу не подставляй. Кстати, в Дурной видела знакомую повитуху, рассказала о тебе, – Крелла выдержала томительную паузу. – Та заинтересовалась, хочет приехать, как только достроят госпиталь.

– Это хорошая новость. Будем потихоньку возвращать повитух в город, пора возродить школу.

Крелла не стала возражать, только продолжила ворчать, копаясь в печке кочергой.

Когда Делла узнала, что мы едем в квартиру практикантов, удивилась, а потом замялась.

– Но там же полно парней. Это неприлично, – выдавила, краснея.

– Неприлично быть невеждой, – поправила я и завела магоход. – Вы будущие коллеги, так что смущение прочь! Сегодня надо снять Таю швы, настоящий лекарь должен уметь все – и роды принять, и геморрой вылечить. А ты как думала?

Всю дорога девочка крепилась, но при входе в квартиру на первом этаже небольшого уютного дома чуть не упала в обморок. Особенно когда за дверью послышался гогочущий смех.

В щель высунулся нос Йена. Юноша рассказывал, что его родители остались в другом городе, а сам он пока живет у дя-

ди, но иногда ночует в квартире друзей-практикантов. Вместе учиться веселее. Кажется, я поняла, что за веселье у них тут происходит.

Побагровев, как свекла, Йен виновато потупился.

– Это не то, что вы подумали...

– Не мямли, Йен, – я прошла в коридор, таща за собой упирающуюся Деллу. – Что происхо...

И запнулась в дверях небольшой кухни, где с довольным видом за столом восседали четверо мальчишек. Среди них уже знакомый кучерявый Дэрин, который строил мне, замужней нейре, глазки. Рыжий, как апельсин, парень и двое, чьих имен я не запомнила. А вместе с ними вполне довольный жизнью Тай.

Компанию практикантам составляла пока не откупоренная пузатая бутылка в центре стола, скромные закуски и овощной салат.

– Приятного аппетита, мальчики! Надеюсь, вы уже обработали культу своего подопечного? – сложив на груди руки, я обвела их строгим взглядом.

В ответ раздалось невразумительное мычание.

– Ну вот, весь аппетит испортили... – протянул Дэрин, но со стула встал.

За спиной нервной тенью маячил Йен, Делла неловко тербила подол платица. Эх, ну и студенты пошли! Я снова решила взять дело в свои руки и быстро организовала помощь пристыженному пациенту. Но, с другой стороны, хо-

рошо, что Тай нашел с ребятами общий язык, можно за него не волноваться.

Проследив за тем, чтобы все тщательно вымыли руки, мы общими усилиями обработали культу, а Йену я доверила снимать швы. У юноши почему-то дрожали руки и краснели уши, и это было странно. Вообще он частенько стеснялся, но сегодня просто превзошел себя.

Однако все закончилось хорошо. Очередная маленькая победа, маленький шажок – мой сложный пациент выжил в доасептическую эпоху! А молодняк это увидел и сделал выводы.

Глава 5

Перед возвращением домой я подвезла Деллу. Девушка была странно молчалива и погружена в свои мысли. Наверное, тоже устала.

Но рухнуть в постель мне не дала совесть в лице синего мехового комка. Пискун налетел на меня с ультразвуковыми визгами и заставил вновь открыть учебник по артефакторике и взять в руки шкатулку с украшениями.

Да, хотелось спать, но в этот раз, стоило коснуться деревянной крышки, руку будто что-то кольнуло, а внутри взметнулось странное предчувствие.

– Эл, – тихонько позвал фамилльяр, – что с тобой?

– Не знаю, – задумчиво пробормотала я.

Пискун подскочил на коротеньких лапках и возбужденно заговорил:

– Неужели ты ощутила зов артефакта? Тогда тебе крупно повезло! Какой-то из камней проснулся, он реагирует на тебя!

– Да ладно, – я запустила руку в горсть украшений. – Мне кажется, еще слишком рано... ой!

Пальцы снова кольнуло, и показалось, что сквозь мышцы пробежал электрический разряд. В этот момент я держала в руке старинный золотой браслет с рубинами. Или приглушенный свет магического светильника издевался надо мной,

или действительно артефакт налился мягким свечением. Золото посветлело, а рубины, напротив, потемнели и налились глубоким багряным цветом.

Мы взирали на эти метаморфозы с приоткрытыми от удивления ртами.

– Кажется, ты ему понравилась, – произнес, наконец, тиин. – А рубины ведь очень капризные камни.

Повинуясь чутью, я осторожно надела браслет на запястье. Свет рубинов стал ярче, показалось, будто камни вбирают мою магию и преобразуют ее в нечто иное.

– Ты когда-нибудь такое видел? – спросила я тиина шепотом. Между мной и этим артефактом сейчас происходило какое-то странное взаимодействие, как будто он изучал меня, пытался познакомиться.

– Попробуй дать ему еще немного своей силы, – подсказал Пискун, и я послушалась.

Камни жадно поглощали капли моей магии, золото продолжало сиять. А потом все закончилось так же внезапно, как и началось. Артефакт превратился в банальный кусок металла.

– Ну вот. Верно говорили, что рубины – капризные камни, – я вздохнула с разочарованием, как будто была ребенком, которого подразнили конфетой.

Но даже если так, это уже что-то. Магия – поистине удивительная штука, как и ее дары.

– Чтобы раскрыть потенциал этого артефакта, тебе надо

испытать стресс, – начал Пискун с умным видом. – Помнишь, так ты пробудила и магическое зрение, и физическую силу?

– Думаю, что стресс мне обеспечен! У меня едва инфаркт не случается, когда я вижу, как лекари лезут к больным грязными руками. Что ж, – я вздохнула я сняла браслет. – Возьму его завтра в госпиталь.

* * *

Утро порадовало двумя письмами: от Сальвадора и Луизы. Бегло просмотрев несколько листов, написанных убористым почерком ученого, я поняла, что нейт Эйле уже занялся составлением лекарства от ботулизма и описывал успехи в изучении оспы. Я спешила, поэтому пришлось отложить послание на вечер, чтобы потом прочесть его более вдумчиво. То, что Сальвадор не забыл про меня, не могло не радовать.

Следующая записка была от Луизы. Она интересовалась моими делами, выражала сочувствие по поводу того, что меня несправедливо обвинили в запрещенной операции. Я досадливо поморщилась. Если знала Луиза, знал и градоправитель. Ну да ладно. В конце концов, меня действительно оправдали.

А еще она предлагала организовать что-то типа лекции для ее знакомых. Луиза с энтузиазмом писала, что дочерям подруг будет любопытно и полезно послушать о беременно-

сти и женском здоровье, нейрам более зрелым – о сохранении красоты и привлекательности. Те капли, что я дала ей, заинтересовали многих.

Если честно, идея мне понравилась, надо обязательно над ней подумать. У меня сложилось стойкое впечатление, что в этом мире полная половая безграмотность. Возможно, бедная Лесси вообще не знала, откуда берутся дети, и к чему могла привести их связь с Заном. А ежемесячные кровотечения жители считали наказанием за грехи.

Небольшая просветработа не повредит, только на этот раз нужно быть осторожнее, чтобы не загреметь в застенки местной инквизиции или как тут ее называют.

Катясь по улицам в магоходе и беседа с Пискуном, я добралась до госпиталя. На правую руку решила надеть браслет-артефакт, мало ли? Вдруг я испытаю такой стресс, что мигом раскрою весь потенциал украшения.

Солнышко светило особенно ярко, однако же такие тихие дни обычно бывали особо паршивыми. Но чем черт не шутит? Вдруг меня сегодня не будут доставать Калвин с Ойзенбергом, а Лейн сменит маску старого ворчуна и станет добрее домашнего котика? Кстати, надо не забыть справиться о его здоровье.

Уже на входе в здание госпиталя меня настигли чьи-то крики. Они доносились из-за двери, ведущей в коридор родильного отделения, и я невольно замерла, прислушалась. Что там за возня, что происходит?

– Я семерых родила дома, не хочу оставаться в госпитале! – послышался возмущенный женский вопль, перешедший в болезненный стон.

– Ты вторые сутки разродиться не можешь, Диди, – вторил мужской голос. – Это серьезно, лекари тебе помогут.

– У-у-у! Не нужны мне никакие лекари, дома и стены помогают! Зачем ты меня сюда привез? Даже если и помру, то под своей крышей!

– Ага, и оставишь меня вдовцом, а детей сиротами?

Дальше медлить я не стала. Распахнула дверь и нос к носу столкнулась с семейной парой и молоденьким лекарем, который пытался вместе с мужчиной уговорить беременную.

Все трое с удивлением воззрились на меня.

– Ну что вы, милая. Не бойтесь, – по-хозяйски начала я и коснулась плеча женщины. – Никто вас не обидит.

И тут меня захлестнула смутная тревога. Тяжелая работа и многочисленные роды не способствовали цветущему виду, женщина явно старше своих лет. Или... нет? Каштановые волосы пронизывали седые пряди, на лице залегли морщины, которые становились только глубже, когда она морщилась от боли.

Сколько ей на самом деле?

Я опустила взгляд на обтянутый платьем живот. Надо срочно ее осмотреть! Почему-то мне кажется, что здесь все не так просто.

Визуально живот недель на тридцать, но в анамнезе семь

родов, мышцы перерастянуты, значит, реальный срок может оказаться меньше.

– Я позову нейта Ойзенберга, – пролепетал молоденький лекарь.

– Стойте! – я вскинула руку. Мне совсем не улыбалось встречаться с коновалом. – Вы ведь меня уже знаете, да? Я нейра Эллен. Нейт Лейн разрешил мне проходить практику.

– Но я не могу... – залепетал тот, однако неразборчивое бляенье прервал новый мучительный стон.

– Помогите моей жене, сделайте что-нибудь! – взмолился муж, хватая меня за руки. – Я не могу смотреть на то, как она мучается!

Я хотела активировать магическое зрение и быстро провести диагностику, но женщина с неожиданной силой оттолкнула мои руки и отшатнулась, как от чумной.

– Не трогайте! Не трогайте меня, боли-ит... – Диди заохала и привалилась к стене. – ...Последних четверых своих сорванцов рожала почти без боли, а здесь... ох-охо!.. Ненавижу тебя, Оллен! В следующий раз сам рожать будешь!

– Конечно-конечно, любимая. Все будет, как ты захочешь, – заворковал Оллен, пытаясь погладить жену по голове, но та отпихнула и его.

– Дорогая, послушайте, – терпеливо начала я и шагнула вперед, – сейчас нам надо покинуть коридор и произвести осмотр. Сколько, говорите, живот болит? Можете рассказать, что это за боль?

Диди раздраженно махнула рукой и схватилась за поясницу.

– Да боль как боль... Только не совсем такая, как в прошлые разы.

– Кровотечений не было?

– То было, то не было...

Отличный ответ, но на большее, учитывая состояние пациентки, я бы не рассчитывала. Какое-то время мы с перепуганным Олленом пытались уговорить Диди сдать на милость медицины, и потом она все-таки смирилась. Пошла за нами с явной неохотой, сверкая покрасневшими глазами из-под растрепанной челки.

Мне категорически не нравилось то, что рожали, а потом и находились с младенцами все в одном большом зале. Получался какой-то проходной двор и рассадник инфекции, но выбора не было. Оставив немолодого папашу снаружи на попечении какого-то практиканта, я провела Диди в зал и попросила лечь на свободную койку.

В тот момент, когда женщина, кряхтя, исполнила мое указание, двери распахнулись. Внутри с хозяйским видом пожаловал Ойзенберг. Глаза его полыхнули от злости, когда он увидел меня, стоящую в ногах роженицы.

Показалось, что в этот момент звуки исчезли, будто кто-то свыше нажал на кнопку, а все взгляды усталились на нас. Напряжение между нами было почти осязаемым – вот-вот закоротит.

Полностью меня игнорируя, лекарь приблизился к койке.

– Рожать собираетесь? Вы с родственниками?

Бедная Диди уже побелела от боли, ей было не до разговоров. Ойзенберг повернулся ко мне и процедил:

– Надеюсь, вы ей сказали, что в кассу госпиталя надо будет внести...

И тут женщина заорала:

– Да сделайте вы уже что-нибудь-удь! Достаньте из меня это!

На шум начали подтягиваться практиканты, чуя если не интересный клинический случай, то знатную перепалку, которую еще долго можно будет обсуждать по углам. Заглянул и любитель инструментов – нейт Брайтен.

Ойзенберг потянулся клешнями к животу Диди, но та извернулась и треснула его по руке.

– Не трогайте меня! Я не дамся постороннему мужчине, никто не может меня касаться, кроме моего мужа. Пусть лучше она, – взгляд в мою сторону, – принимает роды!

– Да что вы себе позволяете, милочка?! – лекарь побагровел, на щеках обозначились желваки. – Вы находитесь в госпитале, а не на рынке.

– Хватит. Сейчас мы просто теряем драгоценное время, – непреклонно произнесла я, становясь между ним и пациенткой. Ух, лишь бы не нагрубить, когда на нас смотрит столько пар глаз! Пособачиться можно и наедине. – Роженице лишние потрясения не нужны, это плохо влияет на процесс. Если нужно, я оплачу пребывание этой женщины в госпитале

из своего кармана. Теперь давайте за дело.

Диди продолжала причитать, что не даст себя тронуть и пальцем никому, кроме целительницы. И что она праведная женщина и не хочет познать гнев небес. Негоже показывать срам кому ни попадя.

– Надо уважить желание роженицы, – поддержал меня Брайтен гулким басом. – Практикантам тоже нужно на ком-то тренироваться, – и подмигнул мне. Наверное, хотел поддержать, но своими словами лишь вызвал у бедной Диди новый приступ паники.

Я чувствовала, что Ойзенберг хочет сказать в мой адрес пару ласковых, но присутствие свидетелей не позволяет опуститься до перепалки. Это не песочница, где дети отбирают друг у друга лопатки. Может, не будь здесь внушающего страх Брайтена, он бы велел практикантам приструнить и меня, и роженицу.

– Так и быть. Вы будете вести роды у этой женщины. Вот только если не справитесь, я лично буду просить нейта Лейна выгнать вас с самым низким баллом, – заметил он мстительно.

Раздался неодобрительный шепот, кто-то выкрикнул: «Давай, Эллен, не подведи!» Но лекарь метнул в сторону группки практикантов уничижительный взгляд.

Уверена, это только ко мне такое «доброе» отношение, я ведь враг номер один. Они будут испытывать и испытывать меня либо пока не надоест, либо пока я не докажу свои про-

фессиональные качества. Ну и пускай подавятся.

Закатав рукава до локтей, я помогла женщине обнажить живот и встала так, чтобы хоть немного загородить ее от любопытствующих. В глаза сразу бросилась странная форма. Где-то я такое видела...

Мне не понадобилось даже активировать магическое зрение, хватило нескольких секунд старой доброй пальпации.

Я отпрянула, чувствуя, как от волнения вспотели ладони.

– Ты не беременна, Диди, – и обернулась к лекарям: – Мне срочно нужна операционная.

– Как не беременна? Какая еще операционная? – посыпались вопросы.

Мое заявление вызвало настоящую бурю. Ойзенберг саркастически кривил рот, Диди охала и ахала, едва не прощаясь с жизнью, а практиканты, кажется, делали ставки. Первым опомнился нейт Брайтен, он хотел ощупать живот пациентки, но та опять не дала мужским рукам себя коснуться. Очень принципиальная женщина, надо сказать.

– Просто поверьте мне на слово, прошу, – попросила я лекаря. Потом наклонилась к нему ближе и негромко проговорила: – У нее опухоль матки. За несколько месяцев она выросла, поэтому все приняли ее за беременность. А сейчас нарушилось кровоснабжение – это вызвало боли. Женщина подумала, что начались роды. Надо срочно спасать, пока не начался некроз, и она не умерла от заражения крови.

В своем мире приходилось неоднократно проводить уда-

ление миом – и отдельно, и вместе с маткой. Как открытым доступом, так и лапароскопически. Я полагала, что у Диди нарушилось кровоснабжение миоматозного узла и, грубо говоря, он начал отмирать. Боли отдаленно напоминали схватки, но все же отличались. И Диди говорила, что кровотечения все-таки были – а это характерно для миом. Либо кровотечения, либо полное их отсутствие, как при беременности.

Брайтен слушал меня, хмуря лохматые брови.

– А вы быстро сориентировались! Я понял вас, нейра.

Потом кликнул рослых ребят – они, как двое из ларца, выросли на пороге с глуповатыми улыбками, чтобы загрузить на каталку сопротивляющуюся «роженицу». Я успокаивала ее, как могла, но внутри у меня не было привычной уверенности, с которой я оперировала в мире с развитой медициной. Да уж, тут нет ни лапароскопии, здесь не знают переливания крови. Но для меня это очередной вызов, экзамен, который надо сдать на высший балл.

Оперировали женщин в соседнем помещении с широким окном и столом посередине. Внутри было относительно чисто.

– Я умру, да? – спросила Диди, и ее подбородок затрясся.

– Не говорите глупости, все будет хорошо. Выйдете отсюда как новенькая, – попыталась подбодрить я. Меня же подбадривал Пискун, и воинственные реплики пушистого фамильяра заставили если не улыбнуться, то немного воспрянуть духом.

Четверых практикантов я попросила остановиться по-дальше, чтобы не носить инфекцию. Ойзенберг, к моему огромному сожалению, заперся следом.

– Я буду следить за вашими манипуляциями, нейра Элен, – предупредил таким желчным голосом, что у меня от его звука заболела печень. – А потом выставлю балл, можете не сомневаться. И лучше вам применить все свои магические навыки, потому что при опухолях такого размера обычные средства не помогают. Такие больные умирают от кровопотери.

Вот молодец какой. Нашел, чем поддержать, а то мало тут Диди трясется и подвывает от страха. Я едва сдержалась, чтобы не огрызнуться. Игнор – лучшее лекарство.

– Сегодня я побуду вашим ассистентом, – заявил Брайтен, разминая пальцы. Поддержка здоровяка-лекаря добавила еще одну каплю в чашу моей уверенности. – Насчет Ойзенберга не переживайте, каждое его слово – что пук в лужу. Никто всерьез не воспринимает. Он только и может, что пугать практикантов и несчастных женщин.

К операции мы подготовились быстро и настолько тщательно, насколько это возможно. Спирт, перчатки, настойки трав, обезболивающее и снотворное для пациентки. Операционное поле побрить, помыть – все как надо.

Со мной был неизменный лекарский чемоданчик с пространственным расширением, медицинская одежда и перчатки. Практиканты при виде их уже не хихикали, успели

привыкнуть к странностям столичной магички, а еще соревновались за право подавать инструменты. Победил уже знакомый мне Дэрин, его назначил сам нейт Брайтен. Йен, тоже оказавшийся в этой компашке, проводил товарища ревновым взглядом.

Я вдохнула поглубже и поудобней перехватила скальпель. Ну, поехали!

Внезапно я дернулась, так и не сделав разрез. Меня прошиб холодный пот, руки мелко задрожали. Проклятье, да что же такое творится? Неужели это все страх? Но ведь справлялись как-то хирурги и акушеры прошлых лет, когда под рукой не было не то что современных операционных, но и горячей воды? А Рогозов вообще сам себе аппендикс удалил во время экспедиции в Антарктиду! Ему что, легко было?

Поэтому не дрейфить!

– Даже я чувствую, как у тебя сердце колотится, – подал голос Пискун. – Да у тебя самый настоящий стресс, Эл.

– Сама знаю... ой, что такое?

Я ощутила, как в теле забурило магия, и потоки ее начали стекаться к рукам. Неужели это делает браслет-артефакт? Или все-таки Пискун магичит?

– Это не я, честное пионерское! – взвизгнул тиин. – Я же говорил, что стресс помогает активировать скрытые способности и пробудить магию.

– Очень вовремя, я даже не знаю, что мне с ним делать,

и что он умеет!

Паника! Паника захлестнула меня. Трудно сосредоточиться, когда тело дергает, как будто сквозь него проходят разряды тока, а перед глазами мелькают цветные вспышки. И все же я невероятными усилиями воли взяла себя в руки. Коснулась натянутой на животе кожи острием скальпеля и сделала первый надрез.

– Вы делаете горизонтальный разрез? – удивленно спросил Брайтен.

Из истории медицины я знала, что раньше при операциях на матке применяли вертикальный, иногда боковой разрез. Это позволяло быстро достать ребенка, когда ситуация становилась критической. О жизни матери, ясное дело, уже не думали. Только с течением времени стало очевидно преимущество горизонтального разреза, хотя врачи очень долго не хотели его признавать.

В нашем мире это случилось в начале девятнадцатого века, а время, в которое я попала, примерно ему и соответствует. Ах, сколько открытий чудных еще предстоит увидеть этому миру! И микроскоп, и антибиотики, хотя препараты с похожим действием я уже находила в арсенале магички Эллен.

Хотелось бы сюда электронож. Как же прогресс разбаловал нас, современных врачей! Электроножи снижали кровопотерю, в итоге операционное поле оставалось относительно чистым, а не залитым кровью. Непрерывный ток разогревал ткани и приводил к быстрому их разъединению, при этом

термические повреждения были минимальны. Да, у этого метода свои недостатки, но иногда он был весьма полезен.

В свое время я занималась лечением миом как консервативными методами, так и хирургическими. Повидала всякое и опыт у меня был, оставалось применить его к случаю Диди.

Сейчас я была намерена произвести удаление матки вместе с миомой, это было самым оптимальным вариантом, исключаящим рецидив и гибель от кровопотери, а еще снижающим вероятность инфицирования.

Все свои мысли я высказывала нейту Брайтену, который слушал внимательно, то и дело кивая.

– Удивительно, как можно было перепутать с беременностью?

– А вы думаете, у нее было время ходить по врачам? С семерыми-то детьми и мужем? – хмыкнула я. – Ну растет живот и растет. С кем не бывает.

Ох как жизненно. Женщины частенько забывают о своем здоровье и спохватываются, когда начинают сыпаться зубы или тело скрючивает от боли.

– Операции на матке часто заканчиваются смертью, слишком много сосудов. Слишком высок риск заражения, – вещал Брайтен. Хорошо, что Диди спала и всего этого не слышала! – Вы сейчас пошли на риск, нейра. Ойзенберг будет капать на мозг Лейну, пока тот вас не выгонит.

– Меня не так-то просто выставить за дверь. Если что, через окно вернусь.

Я уговорила Брайтена надеть запасные перчатки и тоже обработать руки. А вот Ойзенберг, посмеиваясь, что-то нашептывал практикантам. По сути, ему было плевать на жизнь пациентки, все те, кто не приносил гильдии достаточно денег, были этаким тренировочным материалом для натаскивания новых врачей. Да и к смерти в этом мире относились спокойнее, потому что «на все воля богов». А гибель младенца или роженицы вообще не вызывала ни у кого удивления. Но Диди я никому не отдам, вытаску эту женщину, чего бы это ни стоило.

Меня все еще трясло, стресс волновал скопившуюся в теле магию, но я ужасно боялась навредить и не знала, с какой стороны подступиться, куда ее направить. Тем более, врачи госпиталя не маги, для них интересней и полезней обычные манипуляции.

Мы вскрыли кожный покров, жировую клетчатку, раздвинули мышцы. Брайтен держал края раны большими зеркалами, я работала. Крови становилось все больше, на крупные сосуды я ставила зажимы.

Удаление органа – филигранная работа. Подобно исполнению симфонии на скрипке, когда одно неверное движение – и все пропало.

– Нейра, вы как будто всю жизнь этим занимались, – произнес Брайтен с уважением. – Знал я одного врача, он в другом городе трудится. Так вот, этот умелец так лихо удалял матки, сделать операцию для него – это как салат на ужин на-

строгать. Правда, выживала только половина его пациентов.

Я перешла на магическое зрение, чтобы убедиться – заражения нет, в опухоли не успел начаться некроз. Ох и размеры у нее были, конечно!

– Ого, ничего себе! – присвистнул Дэрин, почти засунув нос в рану.

– Поддай лучше еще один зажим, – велела я парню. – И будь готов вскоре принять удаленный орган.

Нежно, осторожно, там шовчик, там разрез – шаг за шагом я приближалась к финалу. И вдруг что-то пошло не по плану: кровотечение никак не желало останавливаться, зажим соскальзывал, сосуд рвался. Вот засада!

Спина взмокла от пота, шея разболелась, в ушах сумасшедше стучал пульс. А кровь все лилась и лилась. Брайтен рядом со мной ощутимо нервничал, Ойзенберг самодовольно посапывал, практиканты шептались.

– Эл, ты же маг, ну! – пискнул тиин. – Добавь немного магии, иначе я тебя тресну. Даже браслет-артефакт на это намекает!

– Я пытаюсь!

Браслет раскалился и обжигал кожу, магия носилась по каналам со скоростью света. Первым делом я попыталась успокоиться и взять себя в руки, восстановить дыхание. И не в такие ситуации попадала, а Диди будет жить, я ведь ей обещала!

Артефакт пульсировал, как живое сердце, забирая себе

излишки моей силы, прогоняя их через себя и вливая в пальцы. Кожу колело от жара, скальпель в руке нагрелся, и я увидела, как кончик засветился нежным ало-золотистым светом.

Повинуясь чутью, я коснулась им лопнувшей артерии. Стенки ее сплавились – это было похоже на коагуляцию сосуда. Но самое поразительное – кровотечение остановилось!

Колени ослабли, и я чуть не рухнула на пациентку. То ли от слабости, то ли от облегчения. Так вот они, свойства браслета-артефакта! Вспомнились слова Норвина о том, что артефакты порой пробуждают совершенно новые свойства, попав к новому владельцу. А я так сильно хотела помочь этой женщине, так боялась, что она умрет от потери крови, что браслет с рубинами исполнил мое желание.

– Он точно признал тебя, Эл! Ты молодец! – радовался Пискун.

А дальше все пошло как по маслу: остановить кровь из сосудов стало проще в разы. Я завершила ампутацию матки, оставив только яичники. Весила опухоль много, ее приняли Дэрин с нейтом Брайтенем и положили на поднос.

– Я ее исследую, – процедил Ойзенберг. – Будет препарат для моей коллекции.

Изучая медицинские книги, я не нашла ничего похожего на злокачественные опухоли. Их нет в этом мире? Что ж, это немного успокаивает. Мы успели вовремя, еще чуть-чуть, и отвоевать жизнь больной было бы гораздо, гораздо сложнее.

Дальше следовало закрыть разрез и оставить дренажи для очищения раны. Восстанавливаться Диди будет не меньше двух месяцев, все-таки вмешательство очень тяжелое и травматичное.

Когда был наложен последний шов, я вытерла лоб сгибом локтя и тяжело выдохнула.

Сделав несколько шагов, почувствовала, как голову ведет, а ноги становятся ватными – явно откат после использования магии.

Последней мыслью было – лишь бы не упасть и не разбить себе череп, а то ведь... залечат.

Глава 6

Я снова видела глазами Эллен. Вокруг высились монументальные стены Магической Академии, сновали студенты и преподаватели. Я видела жизнь своей предшественницы как на ускоренной перемотке, лица сливались, не отпечатываясь в памяти.

За все те разы, что мне удалось окунуться в воспоминания Эллен, я успела понять, что девушкой она была скрытной и не слишком уверенной в себе. Она не участвовала в студенческих забавах, порой носящих злой характер, у нее не было близких подруг, только приятельницы и однокурсницы. Видимо, маменька с папенькой хорошо подорвали ее самооценку, старались с раннего детства.

И сколько бы я ни окуналась в это липкое болото, в конце дорога всегда вела в подземелья, где тоже располагались учебные классы. И что-то там произошло, что-то случилось, но мне никак не желала открываться правда.

Я снова стояла у двери, на пол падала ломаная полоса света. Я (или все-таки Эллен?) ничего плохого не желала, просто хотела сдать работу. Просто оказалась не в том месте и не в то время.

В этот раз мне удалось услышать одну неосторожно оброненную фразу:

«Всех свидетелей нужно убрать...» – произнес приглу-

шенный голос, смутно знакомый и в то же время нет.

Убрать... убрать...

Черт возьми, надо уносить отсюда ноги!

* * *

– Как вы думаете, долго она проспит?

– Может, ей искусственное дыхание сделать? Или массаж сердца?

– Ну ты и извращенец! Так и скажи, что просто хочешь пощупать.

Голоса взрывали и без того усталый мозг, тело болело, словно я без подготовки целый час занималась фитнесом. Снова этот сон-воспоминание. Подразнит и исчезнет! Клянусь, мое терпение лопнет, если я не узнаю правду.

Стоило мне подать признаки жизни, как воцарилась тишина.

– Что вы там замышляете? – просипела я, принимая горизонтальное положение.

Подо мной был выдавший виды диванчик, на стене напротив – доска. На столе стопка книг, чайник, несколько разномастных кружек и обглоданная головка сыра. Судя по всему, это комната отдыха для практикантов.

– Ура! Наконец-то ты пришла в себя! – первым опомнился Пискун.

Пока я спала, он принял свое истинное обличье и успел

поболтать с юношами, которые застыли посреди комнаты молчаливыми статуями.

– Я объяснил этим деткам, что у тебя самое банальное магическое истощение, но они мне не верили.

О том, что детки эти были под два метра ростом и шире меня в плечах раза в полтора, умолчим. Мой покой и сон стерегли Йен, Дэрин и рыжий мальчишка по имени Найвер.

– Долго я спала?

– Около часа, – ответил Йен, и тут меня как молнией прострелило. У меня же там пациентка!

– А что с Диди?

– Повязку наложили, она уже должна прийти в себя, – спокойно ответил Йен, и это значило, что все действительно под контролем.

Я кивнула. Все равно надо будет узнать, куда ее положили, и наведаться, как только меня перестанет мутить. А потом поговорить с нейтом Лейном.

– А где нейт Брайтен, кстати? – вспомнила я о здоровяке-лекаре, любителе редкого инструментария.

– Ушел. Его вызвали, – ответил Дэрин, лениво потянувшись. Меня раздражала бесцеремонность этого мальчишки, слишком он был языкастым.

Тем временем Найвер предложил мне кружку воды.

– А Ойзенберг? Ваш руководитель что-нибудь сказал? – поинтересовалась я, смочив губы.

Парни заговорщически переглянулись. Рыжий заговорил:

– Вы стали падать прямо на нейта Ойзенберга, он не успел отойти, зацепился о столик и... – он хихикнул и порозовел от удовольствия, – ...упал прямо на пятую точку, отбил копчик и завизжал, как будто ему пятки поджарили. А вас Йен успел подхватить в последний момент.

– Спорю, это был самый чувственный момент в его жизни! – заржал Дэрин.

– В чьей? Йена или Ойзенберга? – рыжий поддержал его шутку.

Покрасневший Йен вздохнул и махнул рукой:

– Не обращайтесь внимания на Дэрина, нейра, он просто придурок. Хоть бы постыдился.

– Я уже не в том возрасте, чтобы чего-то стыдиться, – парировал юноша и подмигнул мне. Дурачок. Знал бы, сколько на самом деле мне лет, бежал бы в ужасе. Если, конечно, он не любитель женщин постарше.

Следующие пять минут я слушала рассказ о том, что происходило после того, как я отключилась, как меня принесли в ученическую, и как браслет внезапно превратился в Пискуна. А еще практиканты отметили, что нейт Брайтен был впечатлен моими умениями.

Итого получается, что двое лекарей: Брайтен и дедулька Бэйнс настроены ко мне дружелюбно, с Ойзенбергом и снулой рыбой Калвином я уже не найду общего языка (да и не надо, чур меня). А отношение Лейна стало теплее на пару градусов и приблизилось к отметке «ноль».

Надеюсь, когда достроится госпиталь, я успею наработать базу из лояльных лекарей и практикантов, заинтересованных в работе повитух и довольных пациентов.

– Нейра Эллен, с Таем Отто все в порядке, – отчитался Йен напоследок. – Мы по очереди ухаживаем за его раной, он ни в чем не нуждается. Правда, иногда порывается сбежать, не хочет чувствовать себя нахлебником.

– Отлично! А Таю передайте, что я попробую устроить его на работу в новый госпиталь, пусть далеко не убегает.

С ребятами было легко и весело, но пора и честь знать. Мне нужно увидеть Лейна и Диди, а ребятам – вернуться к практике, обеденный перерыв подходил к концу. В коридоре я спросила Пискуна:

– Меня всегда будет колбасить после использования заклинаний? Не хотелось бы валяться без чувств, ненавижу эту беззащитность.

Тиин подскочил у меня на плече, как мячик на ножках, и выдал деловым тоном:

– У неопытных магов часто такое бывает. С концентрацией проблемы, поэтому человек выделяет магию всем телом, при этом расход сил в десять раз больше, а эффект тот же. Ты испытала стресс, толком не смогла сконцентрироваться, действовала по наитию, а не по науке.

– А ты мне для чего, меха комок? Кто отвечает за концентрацию?

– Ну прости, сплеховал. Перенервничал. С кем не бывает?

Тем более у нас еще схема не отработана, ты ведь впервые применяла силу артефакта.

Я закатила глаза и хотела хлопнуть себя по лбу, но не успела. По закону жанра из-за угла на полном ходу в меня врезался нейт Лейн.

Попался, голубчик!

– Вы что, меня преследуете? – выдал он, даже не поздоровавшись. Увидел Пискуна и поморщился.

Я же бросила беглый взгляд на его руку – на раненом пальце тугая повязка. Неужели дела плохи?

– Как ваше самочувствие, нейт Лейн?

Лекарь проследил за моим взглядом.

– Лучше, чем вы думаете. Или ждете, что я умру от заражения крови? Не дождетесь!

– На самом деле ваша смерть мне невыгодна, – ответила я честно. – Нам с вами еще сотрудничать. И если ваше состояние будет ухудшаться, обращайтесь. У меня в арсенале есть магия, которую вы не любите, но которая помогает.

Лекарь закатил глаза.

– Вы действительно самая настырная женщина на свете! Почему нейт Ойзенберг снова жаловался, что вы лезете не в свои дела и отбираете его пациенток? Заведите себе уже, в конце концов, ребенка, чтобы было чем заняться! И куда только смотрит ваш муж?

Я вздохнула. Тяжелый случай, но не безнадежный. Жену ему надо, может, подберет.

– Вы же сами убедились, что я не пустоголовая девица, которая приехала сюда развлекаться. У меня есть цели, от которых я не отступлюсь, и я предлагаю, чтобы вы и дальше смотрели и сравнивали методы, которым я обучилась в столице, и методы ваших врачей. Делали выводы, а потом, может, и поддержали меня. Поверьте, худой мир лучше доброй ссоры.

Вдруг Лейн сощурился и пронзил меня взглядом глазки-кишки.

– Какая-то вы странная, нейра Эллиен. Настырная, нахальная и совершенно бессовестная. Скромные выпускницы так себя не ведут. Или я все-таки плохо знаю магичек? – он потер подбородок, заросший неопрятной щетиной, и усмехнулся.

Я пыталась еще несколько минут. В конце концов мне удалось добиться того, чтобы за мной, как и за всеми остальными практикантами, были закреплены свои больные. И чтобы Ойзенберг не тянул к ним свои грязные ручки.

Внедрение в тыл противника прошло более-менее успешно, ура!

– И все-таки на месте вашего мужа я бы запер вас дома, – бросил Лейн на прощание. Не мог не оставить за собой последнее слово. – Когда женщины слишком много учатся, кровь от матки приливает к мозгу, и женщина становится бесплодной. А еще мне кажется, у вас все симптомы истерии.

Я не стала разубеждать его, ведь он свято уверен в этом бреде. И знаю, да, как в нашем мире раньше лечили так на-

зываемую истерию у женщин! Вот уж точно врачи-грачи.

Время в госпитале пролетело незаметно, я провела Ди-ди и удостоверилась, что та в безопасности. Она уже пришла в себя, пульс был в норме, но женщину мучили боли. Сегодня Йен оставался ночевать в госпитале, поэтому я дала ему еще обезболивающего и просила присматривать за моей подопечной, а сама поспешила домой. Соседка с болями в животе просила зайти, да и Грете я еще на той неделе обещала проведать ее беременную невестку.

Интересно, когда вернется Норвин? Я тут дом начала в порядок приводить, а муж словно забыл о моем существовании. Пришлось признаться хотя бы себе, что я соскучилась и не прочь с ним увидеться. Нам столько надо обсудить! Когда моя тайна раскрылась, я стала чувствовать себя свободнее рядом с ним.

Видимо, жизнь меня не научила, что желания надо загадывать осторожно.

* * *

Домой я приползла, когда начало темнеть. По пути провела беременную Анку, которую сейчас уже ничего не беспокоило, потом двух соседок. У одной были хронические запоры, у второй – суставные боли.

Оставив пациенток, полностью удовлетворенных консультацией и лечением, я наконец-то смогла выдохнуть. И тут

в голове некстати всплыл разговор с Лейном. Должно быть, он считает всех женщин, которые хоть чем-то выбиваются из толпы, истеричками. Интересно, этот «недуг» здесь как-то лечат?

Еще древние греки считали истерию истинно женской болезнью. Туда же приплетали депрессию, тазовые боли и... непослушание. А в просвещенном девятнадцатом веке европейские врачи запирали несчастных в клиники на полгода, излечивая «покоем». Проще говоря, привязывали к койкам, не разрешая вставать и даже садиться, насильно закармливали и как только ни издевались. Стоит ли говорить, что в большинстве случаев в эти клиники отправляли неугодных жен любящие мужья?

Некоторые коновалы проводили калечащие операции на женских половых органах, удаляли матки, делали «истеричкам» лоботомию. Часто в ход шли наркотики – смесь алкоголя и опиума. Вот и просвещенная Европа, вот и викторианская эпоха. Даже двадцатый век это мракобесие затронуло.

Что ни говори, ситуация страшная. Поразительная халатность и жестокость в попытках обуздать женскую природу, эмоциональность и стремление к свободе и независимости. Я живо представила, как меня похищают и запирают в комнате с желтыми обоями, привязывают к кровати. А потом начинают лечить ледяной водой, лаунданумом и лоботомией. Брр...

Дома меня, конечно, никто не встречал. Тихо, пусто, оди-

ноко, как и в последние годы пребывания в моем прошлом мире. Но здесь у меня был Пискун – знатный нарушитель спокойствия. Тиин сразу полетел на кухню, и вскоре до слуха донеслось шуршание обертки. Интересно, не вреден ли для него шоколад? Сам Пискун сказал, что единственное, что ему грозит – это ожирение.

Переодевшись в домашнее, я быстро перекусила и села за учебники. Надо было полистать «Теорию магии», «Артефакторику» и «Целительство», везде у меня были пробелы, которые необходимо заполнить. Но, пробегая глазами по строчкам, я ловила себя на мысли, что не понимаю написанного, потому что мысли витают где-то не здесь. Я вновь и вновь возвращалась то к воспоминаниям Эллен, то начинала крутить браслет-артефакт на запястье.

Иногда я чувствовала себя героиней компьютерной игры, которую надо «прокачать» до самого высокого уровня и заработать все возможные бонусы.

Из задумчивости меня вырвал грохот. Я вздрогнула и захлопнула книгу.

– Пискун! Ты что там уронил?!

Предчувствуя недоброе, я ринулась к выходу, вылетела в гостиную.

– Писку-ун!.. Мамочки!

Нет, это не мой пушистый друг погром устроил, это Норвин, явившийся порталом, влетел в стол и опрокинул его, а сейчас пытался подняться. Я видела его спину, напряженную

позу и опущенную голову. Он стоял на одном колене, кулаком упираясь в пол.

– Норвин! – вдруг стало так страшно, что голос перестал слушаться. – Ты что это? Что случилось?

Я подбежала к нему, коснулась плеча и заметила, что муж прижимает к груди ладонь. Он силился что-то сказать, но вместо слов с губ сорвалась струйка крови. На белизне рубашки расплывалось уродливое алое пятно.

– Эллена... – прохрипел он и начал заваливаться вперед.

– Где это ты так? Что за чертовщина!

Я понимала, что он не ответит. Скорее всего, повреждены ребра и легкие.

На звуки прилетел Пискун. Застав развернувшуюся сцену, завис в воздухе, широко распахнув глазенки. А я будто окаменела: все произошло так быстро и неожиданно! Выругавшись сквозь зубы, схватила мужа за плечи, не дав удариться об пол, и осторожно опустила. До этого дня я не боялась вида крови.

Несколько тягучих мгновений я видела себя как будто со стороны: лицо белое, глаза распахнуты от ужаса, рот приоткрыт в бесплодной попытке глотнуть хоть немного кислорода. А потом в мозгу что-то щелкнуло, и все переменялось в долю мгновения. Включился режим медика: хладнокровного, отрешенного, умеющего принимать решения.

Пискун понял меня с полувзгляда, метнулся синей мол-

нией, и серебряный браслет обвил левое запястье. На правом все еще находился браслет рубиновый.

– Только на этот раз, пожалуйста, постарайся с концентрацией. Не хочу отключиться из-за перерасхода сил, – попросила я.

Этот мир постоянно испытывает меня на прочность, не дает расслабиться: что ни день, то проблема. И что я буду делать, как буду справляться, когда ко мне на «операционный стол» попал человек, который за короткое время успел стать близким?

У хирургов даже суеверие есть – никогда не оперируй друзей и родственников.

Эти мысли лихорадочно метались в мозгу, пока пальцы расширяли дыру в рубашке. Я не знаю, сколько крови он потерял, в любом случае у меня нет времени, поэтому остается положиться только на магию. Внутри уже вскипал источник, теплились золотые искорки и взрывались фейерверками под кожей.

Пискун как-то обмолвился, что есть маги, которые во всем следуют правилам, учебникам, руководствам, боятся сделать шаг в сторону. А есть интуиты, которые постоянно экспериментрируют. Именно они в большинстве случаев изобретают новые заклинания. Видимо, я отношусь ко вторым, потому что были моменты, когда я всецело доверяла чутью и позволяла магии вести меня. Так случилось и сегодня, когда я оперировала Диди.

– Соберись, тряпка! – раздался командный голосок фамильяра. – Мы должны спасти Норвина, думать будешь потом!

Я накрыла рану мужа ладонями и опустила веки. Для начала надо хотя бы кровь остановить, главное не допускать мыслей о неудаче. Именно в этом мире я на сто процентов осознала, что мысли материальны. Хотела встречи с Норвином? Получи!

Фамильяр направлял потоки силы к рукам, не позволяя им распыляться, я пыталась сосредоточить их в браслете, молила артефакт отозваться. Рукам было липко и горячо. Я чувствовала, как кровавое пятно расплзается по груди Норвина, чувствовала, как слабо приподнимается грудная клетка. Я держала в ладонях жизнь взрослого сильного мужчины, в этот миг он полностью от меня зависел, но такая власть была мне не нужна.

Мы только начали узнавать друг друга, и я не хотела потерять его, испугалась одиночества и гнетущей тишины дома. Пусть только придет в себя, я ему устрою! Надумал пугать впечатлительную женщину!

Я отпустила контроль разума над древней стихией, ощутила, как поток магии наполняет браслет, и в нем моя сила преобразуется в нечто иное, окольцовывает запястье. Браслет раскалился настолько, что боль стала невыносимой, и с каждым мгновением я ожидала почуять запах горелой кожи. По телу неслись сотни мелких молний, отдаваясь в суставах и нервах дергающей болью. Именно через нее прохо-

дило овладение новыми навыками.

Белое пламя разгоралось все ярче и ярче, слепило глаза. Их заволокло мутной пленкой, первая слеза сорвалась с ресниц и скатилась по щеке, потом вторая.

Какая же я слабая, совсем не умею терпеть!

Магическим зрением я разглядела трещины на ребрах, уходящую вглубь рану, кровоточащие сосуды. Я видела, как они пульсируют, как вздрагивают тонкие стенки. Чтобы до них добраться, мне понадобились бы хирургические инструменты и ассистенты, возможно, пришлось бы вскрывать грудную клетку. В теории я знала многое, многое видела своими глазами, но смотрела на свои возможности здраво.

Это не моя специализация. Не будь у меня магии, я бы, скорее всего, убила Норвина или вообще не успела бы ничего сделать.

Моя сила, смешанная с магией браслета, устремилась к раненым сосудам, мягко их обволакивая. Края потянулись друг к другу, стенки начали медленно срастаться. Я думала, меня хватит сердечный приступ, пока все это закончится. А когда последний сосуд оказался сращен, я поняла, что все это время боялась дышать. В груди ломило от нехватки кислорода, руки дрожали.

Кровь перестала вытекать из раны, и только тогда я решилась заглянуть в бледное, как мел, лицо Норвина. Веки его были опущены, губы потеряли цвет, на висках застыли капли пота. Боже мой, что же он пережил?

– Эл, – пропищал фамильяр, – я чувствую что-то странное!

Я не смогла ответить, только охнула, потому что браслет-артефакт полыхнул последний раз, отправил еще один болевой импульс и... впитался мне под кожу.

Глава 7

Что за чертовщина!

В первое мгновение я растерялась, но пораженный возглас Пискуна привел меня в себя:

– Тиинова мать! Вот это да! Ты видела, Эл? Видела?

– Конечно, я видела. Он врос в меня... – непроизвольно тряхнула рукой, будто ожидала, что сейчас браслет выпадет обратно. – Это нормально?

– Должно быть, ты так приглянулась артефакту, что он решил слиться с тобой, стать единым целым! Такое иногда бывает, но чтобы так быстро... Ух, я просто поражен! Ты идешь вперед семимильными шагами! А ведь в самом начале ползла, как улитка. Вот что творит вера в себя!

Казалось, это происходит не со мной. Но сейчас некогда было думать над словами тиина, я торопливо вытерла испачканные руки о платье.

– Мы еще не закончили, Пискун!

Мне кажется, я помнила оказание первой помощи при ранении легкого еще с уроков ОБЖ, а в университете мы отработывали навыки, которые могли пригодиться будущему врачу, на манекенах – Дашеньке и Васеньке. Бедняги покорно сносили издевательства, пока студенты спасали их от асфиксии инородными телами, бинтовали аки египетских мумий, интубировали, тренировались делать клизмы, ставить

капельницы и делать непрямой массаж сердца.

В это время преподаватель по реаниматологии ходил кругами и орал: «Пошел на пересдачу!» «Суй глубже! Дави сильнее!» «Васенька, между прочим, денег стоит! Сломаешь – продам твою почку». «Куда ты ему воздух в желудок вдвухаешь, Орлова?! Он от такой помощи только пукать будет!»

Орлова, кстати, это моя фамилия. Я ей гордилась и не меняла после двух замужеств. Но делать дыхание изо рта в рот я таки научилась и на зачете спасла порядком потрепанного Ваську.

Сейчас я опасалась осложнений у Норвина. При таких ранах с каждым вдохом воздух через рану засасывается в плевральную полость, там же скапливается кровь – они сдавливают легкое, и то не может нормально расправиться. При этом умереть можно не только от нехватки кислорода, но и от остановки сердца. Возможно, Норвин потерял сознание как раз из-за этого или из-за болевого шока.

Я метнулась за чемоданчиком.

Быстрее! Быстрее же!

Каждая секунда промедления подобна смерти. Паники не было, мозг прояснился, даже показалось, что я стала двигаться быстрее. Раз, два, три – и я снова сижу возле мужа, держа в руках флакон.

Несколько капель под язык – так быстрее подействует. Лекарства в обоих мирах работают по схожему принципу: под языком богатая сосудистая сеть, вещество всасывается сразу

в кровь, минуя желудок. То, что надо!

Я избавилась от остатков рубашки, проверила пульс – слабый, дыхание поверхностное.

Рана была со стороны левого легкого, рядом с сердцем. Как я и боялась, кровь и воздух скопились под плеврой, надо срочно их вывести! Если бы у меня были нужные инструменты, я могла бы попытаться. Однажды на летней практике я делала такую манипуляцию в отделении хирургии.

А может...

В голове будто вспыхнула лампочка. Точно! Стоит попробовать, все равно выхода нет.

Я снова накрыла рану ладонями.

– Ты что делаешь, Эл? Ты применяешь бытовую магию?

– Я тут вспомнила, как ты учил меня чистить платье от крови. Здесь принцип похожий.

Я не знала, получится ли. Но местные боги были милосердны к Норвину, потому что через некоторое время я ощутила, как к моим ладоням стали притягиваться густые бордовые капли. Я стряхивала их на пол и пыталась снова. До тех пор, пока магическое зрение не показало – плевральная полость свободна, и сдавление легкому не грозит.

Маги, как и медики, должны быть изобретательны. В университете у нас ценилась не тупая зубрежка, а развитие клинического мышления и умение искать информацию, импровизировать.

Снова накатила проклятая усталость, я держалась на чест-

ном слове и адреналине. Он кипел в крови, не давая рухнуть от истощения.

Дальше – ревизия раны. Края ровные, такое чувство, что ее нанесли холодным оружием.

– Эл, как дела? – спросил Пискун, и голос малыша был тревожным. – Он выживет?

– Куда он денется? Ему еще объясняться.

На самом деле за саркастическим тоном я пыталась скрыть тревогу и страх. О том, что Норвин может не выжить, думать не хотелось.

Закончив с осмотром, я взялась за иголки с нитками. Ювелир постарался на славу, а ниций ничуть не уступал медицинской стали. Повезло, что мой новый дар заставил сплавиться сосуды, и ткань легкого в этом месте сократилась, но я все равно наложила пару страхующих швов.

Помнится, на кафедре хирургии у нас было соревнование по различным видам хирургических швов и вязанию узлов на скорость. От тренировок у меня на пальцах появились мозоли, но я очень старалась и «вязала» ночами в общежитии, ведь победитель получал зачет автоматом. Преподаватель тогда пополам сгибался от смеха, видя наши старания и алчное желание заработать халявную пятерку. Жаль, победу из-под носа увел одноклассник, но опыт я приобрела хороший, как и память тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.